

~~43/30~~

3an. $3\frac{2}{6}$

<36629144210013

S

<36629144210013

Bayer. Staatsbibliothek

E

10/61/12

3m 3 1/2

OTTOCKH

10/10/15

ОТГОЛОСКИ

OTTO JOCKE

OTTO JOCKE

ОТГОЛОСКИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГЕРБЕЛЯ

[Vasil'evič]

Б.М.А.К.

I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

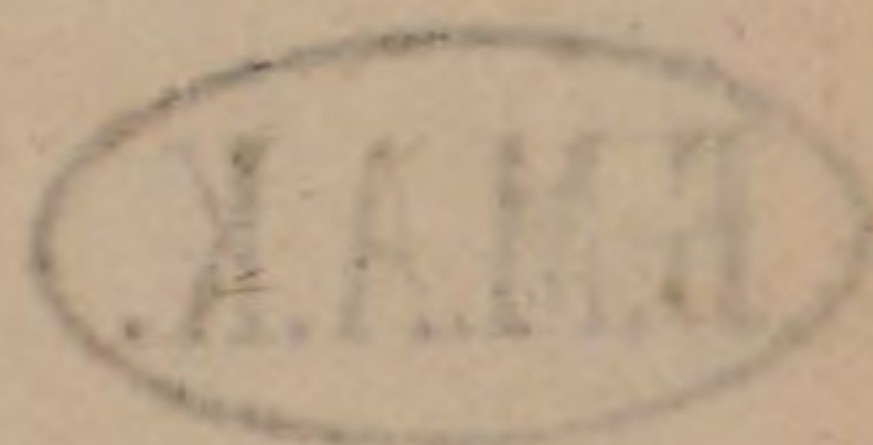
1858

С. н. 5176

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
31 октября 1857 г.

Ценсоръ *В. Бекатовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

MEMBER CLUB OF THE

I.

ВЪ ДОРОГУ, ВЪ ДОРОГУ!...

Гоголь.

(Посв. Н. Я. Макарову).

Одинъ я бродилъ по аллеямъ густымъ
Родного лицейскаго сада,
И снова мелькали предъ взоромъ моимъ
Деревья, дорожки, ограда:

Тѣ самая липы, та ива, тотъ вязъ,
Подъ лиственной тѣнью которыхъ
Такъ сладко мечталось... дремалось не разъ
Подъ ихъ нескончаемый шорохъ.

По прежнему садъ былъ тѣнистъ и угрюмъ,
По прежнему вѣялъ прохладой,
И, полный какихъ-то таинственныхъ думъ,
Нависъ надъ высокой оградой;

И даже тропинка, любимая мной,
По прежнему въ чащѣ терялась,
По прежнему въ ней извивалась змѣй,
И ива надъ нею склонялась.

Глядѣлъ я — въ душѣ все яснѣй и яснѣй
Прошедшіе дни оживали,
И милые образы старыхъ друзей
Опять предо мной возникали:

Они проносились одинъ за другимъ,
Какъ тѣни подъ пологомъ ночи,
Являлись и вновь исчезали, какъ дымъ,
И снова глядѣли мнѣ въ очи.

Я сердцемъ встрѣчалъ ихъ, я сердцемъ слѣдилъ
Ихъ мирный полѣтъ, и, лелѣемъ
Завѣтнымъ прошедшимъ, мечталъ — и бродилъ
По темнымъ лицейскимъ аллеямъ.

Въ дорогу, въ дорогу! — ужь жизненный путь
Ковромъ предо мной разостлался...
Въ дорогу! — часы за часами бѣгутъ,
А я еще въ путь не собрался.

Но прежде чѣмъ путь свой избрать я рѣшусь —
Мой путь, не богатый дарами,
Къ кому, какъ не къ вамъ, я душой обращаюсь?...
И я преклоняюсь предъ вами, —

Предъ вами, которые здѣсь до меня
Росли въ этомъ самомъ Лицеѣ,
Здѣсь такъ же мечтали въ саду, какъ и я,
И можетъ быть въ этой аллеѣ;

А нынѣ, во славу родимой земли,
Пропѣвъ пѣсни вѣщія міру,
Въ сырую могилу съ собой унесли
Вѣнокъ и разбитую лиру;

Къ кому я изъ дѣтства стремлюся душой,
И чьи благородныя тѣни
Незримо витають теперь надо мной,
Покинувъ могильныя сѣни:

И ты, возмужавшій въ безвѣстной тиши,
Людей сердецѣдецъ великой,
Проникнувшій духомъ въ тайникъ ихъ души,
Какъ будто бы былъ ихъ владыкой;

Творецъ «Ревизора», пѣвецъ «Вечеровъ» —
Степей поднѣпровскихъ и Сѣчи...
Кто, полнъ вдохновенья, ужé былъ готовъ
Начать величавыя рѣчи...

Ты, славное имя въ безсмертья скрижалъ
Вписавшій чертами созданья,
Въ которомъ улыбка скрываетъ печаль
И смѣхъ заглушаетъ рыданья.

И ты, живописецъ неправды людской,
Разскащикъ вседневныхъ дѣяній,
Интригъ измелъчавшихъ и спѣси смѣшной,
А съ ними и слёзы и страданій;

Пѣвецъ Малороссіи милой своей,
Съ ея вѣковыми садами,
Гдѣ въ кущѣ черемухъ поётъ соловей,
И вѣтеръ играетъ листьями;

Пѣвецъ ея неба, полей и лѣсовъ,
Съ крестами ея у дороги
Надъ прахомъ умершихъ въ пути чумаковъ,
Вдали отъ родимой берлоги...

Широкій путь жизни ужъ манитъ давно
Меня на борьбу и тревогу!
Часы прозвучали — и такъ рѣшено —
Въ дорогу, въ дорогу, въ дорогу!

II.

ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВѢ.

Изъ Шиллера.

Стараясь исказить твой образъ благородный,
Тебя насмѣшка въ грязь хотѣла затоптать;
Враждуя цѣлый вѣкъ съ прекраснымъ, умъ холодный
Не вѣритъ ни въ добро, ни въ Божью благодать,
Ни въ ангеловъ святыхъ, и, полный святотатства,
Стремится у души украсть ея богатства.

Но бѣдное дитя — поэзія святая,
Такая-жъ скромная пастушка, какъ и ты,
Священные права заслугъ возвращая,
Взнесла тебя къ звѣздамъ на крыліяхъ мечты.
Ты создана душой — и, окруженный славой,
Переживетъ вѣка твой образъ величавой.

Міръ любить помрачать невѣріемъ холоднымъ
Все то, что высокó, что блещетъ и горитъ ;
Но есть еще сердца съ стремленьемъ благороднымъ
И съ вѣрою во всё, что сердцу говоритъ.
Пускай клевететь Момъ и тѣшить вкусъ народный :
Лишь благородный умъ чтить образъ благородный !

III.

ПРОХОЖІЙ.

На дворѣ темно и грязно ;
Вѣтеръ ивами шумить ,
Да въ окно однообразно
Дождикъ хлещетъ и стучить.

Я подсѣлъ къ окну и слышу
Тихій шорохъ надъ собой :
То вода течетъ подъ крышу
Водосточною трубой.

Тѣмно въ комнатѣ холодной...
Вкругъ ни звука — все молчить ,
Лишь въ углу сверчокъ голодный,
Надрываясь, кричитъ.

Вотъ прояснило немножко —
Свѣтъ зажегся въ сторонѣ,
Отразился сквозь окошко
И забѣгалъ по стѣнѣ:

Обогнувши изгороду,
Кто-то вышелъ съ фонарёмъ,
И сквозь темень-непогоду
Пробирается съ трудомъ.

Кто онъ, путникъ одинокой?
Тяжелы его шаги:
Что ни шагъ — въ грязи глубокой
Тяжко вязнуть сапоги.

Онъ ступаетъ осторожно;
Освѣщенный фонарёмъ,
Онъ тоскливо и тревожно
Озирается кругомъ;

Онъ плетется стороною;
Онъ ворчитъ — усталъ горюнь,
И заботливой рукою
Подбираетъ свой зипунъ...

Но и этотъ свѣтъ далёкой,
Видно, вѣтеръ потушилъ,
И окрестность мракъ глубокой
Снова залилъ, затопилъ.

Вѣтеръ стонетъ, вѣтеръ злится,
Дождикъ въ стекла такъ и бѣётъ,
И лишь слышно, какъ бранится
Запоздалый пѣшеходъ.

IV.

УЗНИЦА.

Изъ А. Шенье.

« Сгибается колось, щадимый косою ;
Тисковъ виноградъ не боится весною,
Впивая росы благодать :
Не такъ ли и я молода и прекрасна ?
Пусть доля моя тяжела и несчастна, —
Но я не хочу умирать !

« Пусть стойкъ взираетъ на смерть равнодушно :
Я плачу, — склоняюсь по вѣтру послушно,
Въ надеждѣ подняться скорѣй.
Есть въ жизни и счастье, есть въ жизни и горе !
И медъ не безъ горечи ; развѣ есть море
Безъ бурь и подводныхъ камней ?

« Въ душѣ возникаютъ мечты-чаровницы :
Напрасно тѣснятъ меня стѣны темницы, —
Вѣдь крылья надежды со мной !
Не такъ ли, избѣгнувъ силковъ птицелова,
Еще беззаботнѣе въ воздухѣ снова
Кружится пѣвецъ луговой ?

« И мнѣ ли погибнуть ? — вѣдь я засыпаю
Спокойно, и день мой такъ тихъ : я не знаю
Терзанія совѣсти злой.
И здѣсь, гдѣ лишь горе одно обитаетъ,
Мое появленіе надежду рождаетъ
На лицахъ, убитыхъ тоской.

« Мой путь не оконченъ : не зная тревоги,
Изъ этихъ деревьевъ безгранной дороги
Минула лишь первая я.
На жизненномъ пирѣ я лишь на мгновенье
Къ устамъ подносила фіалъ наслажденья,
Въ рукахъ моихъ полный питья.

« Съ весной я знакома, хочу непременно
Дождаться и жатвы, хочу постепенно,
Какъ солнце, окончить мой годъ.
Разсвѣтная роза, любимица Флоры,
Я видѣла только сіянье Авроры —
Пускай же и день мой пройдетъ !

« О, смерть, удалися! и сердцу иному,
Въ бѣдахъ сокрушенному, сердцу больному
Спѣши утѣшенье подать.
Весной еще темныя сѣни найду я,
Въ поэзіи — пѣсни, въ любви — поцѣлуи,
И я не хочу умирать! »

Такъ, самъ обреченный цѣпямъ и страданьямъ,
Внималъ я въ темницѣ мольбамъ и стенаньямъ
Несчастной сосѣдки моей;
И, сбросивши иго снѣдающей муки,
Я вылилъ стихами чудесные звуки
Ея заунывныхъ рѣчей...

— 30 —

ИЗНАКОМНА.

Из Шиллера.

Когда весна, благоухая,
Сзывала первый хоръ пѣвцовъ,
Являлась дѣва молодая
Въ долину бѣдныхъ пастуховъ.

Она родилась не въ долину,
Никто семьи ея не зналъ;
И слѣдъ скрывался, какъ въ пустынь,
Лишь милый призракъ исчезалъ.

И, чуя дѣвы приближенъе,
Стремилось все на встрѣчу къ ней,
Хотя внушалъ благоговѣнье
Холодный блескъ ея очей.

Она съ плодами приносила
Цвѣты чарующей весны:
Иное грѣло ихъ свѣтило
Иной счастливой стороны.

И возвращались съ плодами,
Съ цвѣтами пышными домой —
И отрокъ съ свѣтлыми кудрями,
И старецъ немощный съ клюкой.

Привѣтомъ всѣхъ она встрѣчала;
Но для любящейся четы
Подарокъ лучшій сберегала:
Дарила лучшіе цвѣты.

VI.

ПѢВЦЫ МИНУВШАГО ВРЕМЕНИ.

Изъ Шиллера.

Гдѣ они? — гдѣ, о скажите, найду я пѣвцовъ вдох-
новенныхъ,

Чье животворное слово внимавшій народъ чаро-
вало?

Пѣли о небѣ они, людей на землѣ воспѣвали,

И высоко возносили нашъ духъ на крыліяхъ пѣ-
сни.

О, еще живы пѣвцы! но нѣтъ подвиговъ, власт-
ныхъ заставить

Смолкшую лиру очнуться; нѣтъ чуткаго уха. Счаст-
ливы

Барды счастливаго вѣка! изъ устъ въ уста и изъ
рода

Передавалось въ родъ — ихъ, сердцу понятное,
слово.

Съ благоговѣньемъ, приличнымъ богамъ, привѣт-
ствовалъ каждый

Все, что словомъ и кистью творилъ всеобъемлю-
щій геній.

Чувствомъ внимавшихъ — пѣвецъ питалъ свой бо-
жественный пламень, —

Да, питалъ — очищалъ... Счастливецъ! голосъ на-
рода

Звонко въ себѣ отражалъ его вдохновенныя пѣснн,

И еще на землѣ ему божество представлялось;

Нынѣ жъ и сердцемъ его поэтъ едва постигаетъ.

VII.

ПЕРЕДЪ КАМИНОМЪ.

Люблю я въ позднемъ сентябрѣ
Сидѣть и грѣтся предъ каминомъ,
Когда погода на дворѣ
Бушуетъ грознымъ властелиномъ;

Когда въ окошко дождь стучить,
По стекламъ струйками сбѣгая,
Или слезинками дрожить,
Одну другою нагоняя, —

А въ полѣ вѣтеръ, между тѣмъ,
Какъ звѣрь голодный, завываетъ,
И словно сердится — зачѣмъ
Его погрѣться не пускаютъ.

И много, много разныхъ думъ,
Одна смѣняаяся другою,
Тогда приходитъ мнѣ на умъ...
Сижу — и думаю, порою,

Что въ это время кто-нибудь
Сквозь мракъ и дождь, въ ямской телегѣ,
Быть можетъ, ѣдетъ въ дальній путь,
Не смѣя мыслить о ночлегѣ...

Напрасно онъ воротникомъ
Лицо отъ вѣтра закрываетъ:
Шинель, пробитая дождёмъ,
Его давно не защищаетъ...

И возникаютъ предо мной
Необозримыя Карпаты,
И нашъ бивакъ во тьмѣ ночной,
И наши спящіе солдаты...

И снова сплю я подъ дождёмъ,
Въ грязи, подъ мокрою шинелью,
И снится мнѣ нашъ старый домъ,
Съ каминомъ, съ теплою постелью...

VIII.

ВЪ КАРПАТАХЪ.

Встаютъ предо мною Карпатскія горы —
Всѣ выше, синѣй, надъ градою града, —
Влекутъ за собой изумленные взоры
Куда-то далеко, куда-то — туда,
Гдѣ вѣтеръ шумить, да гуляютъ мятели,
Гдѣ съ буйною выюгою въ вѣчной борьбѣ,
На скатахъ качаются черныя ели,
И машутъ вѣтвями и мѧнятъ къ себѣ,
Гдѣ все непривѣтно, пустынно и дико,
Гдѣ только кружится пернатый владыко —
Могучій орелъ, да со ската на скать,
Весь въ пѣнѣ и брызгахъ, гремитъ водопадъ...

Утёсы нависли надъ самой доро́гой,
Что въ кручѣ скалистой пробилась съ трудомъ :
Змѣей проползла надъ медвѣжьей берлогой
И лѣпится рядомъ съ орлинымъ гнѣздомъ...

IX.

НА СМЕРТЬ ВОРОБЬЯ ЛЕЗБИИ.

Изъ Катюлла.

Плачьте, граціи, со мною,
Съ поколѣніемъ людей,
Одарѣнныхъ красотою!
Умеръ бѣдный воробей
Милой дѣвушки моей,
Воробей — утѣха милой,
Радость друга моего,
Тотъ, кого она хранила
Пуще глаза своего.
Какъ онъ ласковъ былъ съ тобою!...
Какъ младенецъ мать свою,
Зналъ онъ милую мою;
Неразлученъ съ госпожою,
Онъ попрыгивалъ вокругъ,
И чириканьемъ, порою,
Веселилъ и нѣжилъ слухъ.

А теперь, увы! онъ бродить
По печальнымъ берегамъ
Той рѣки, съ которой къ намъ
Вновь никто ужъ не приходитъ.
Прочь изъ глазъ, скорѣе прочь,
Смерти сумрачная ночь,
Уносящая съ собою
Все, что блещетъ красотою!...
А онъ былъ такъ дорогъ ей —
Этотъ ласковый — тобою
Похищенный воробей.
О, судьба!... о, мой несчастный!
Чрезъ тебя глаза прекрасной,
Милой дѣвушки моей
Отъ горячихъ слёзъ распухли,
Покраснѣли и потухли.

Х.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.

Изъ Шиллера.

(Посв. А. А. Фету).

— Возьмите свѣтъ! онъ вашъ! — сказалъ благой Зевесъ
Людскому племени, съ высотъ своихъ небесъ:
— Я вамъ дарю его! — въ наслѣдіе возьмите;
Но межъ собой его по братски раздѣлите. —

Сказалъ — и мигомъ все, кому Богъ руки далъ,
Спѣшитъ устроиться; хлопочетъ старъ и малъ:
Вмигъ пахарь завладѣлъ полями и лугами,
Охотникъ въ лѣсъ ушелъ за хищными звѣрями;

Купецъ товарами набилъ амбары, домъ...
Смиренный жрецъ боговъ бесѣдуетъ съ виномъ;
Владѣлецъ затворилъ дороги и плотины,
И требуетъ со всѣхъ законной десятины.

Затѣмъ, когда раздѣлъ давно былъ совершёнъ,
Пришелъ поэтъ, — пришелъ изъ странъ далекихъ онъ..
И овладѣла имъ тяжелая кручина:
Ужъ все на всей землѣ имѣло господина.

« О горе, горе мнѣ! такъ я забыть одинъ,
« Одинъ изъ всѣхъ людей, я — твой покорный сынъ? »
Такъ жалобно взывалъ любимецъ Аполлона,
Припавши къ ступенямъ юпитерова трона.

— Не ты ль парилъ душой въ странѣ волшебныхъ сновъ!
Сказалъ ему Зевесъ: — что жъ ропщешь на боговъ?
И гдѣ, скажи мнѣ, былъ ты при раздѣлѣ свѣта? —
« Съ тобою! » былъ отвѣтъ смиреннаго поэта:

« Мой взоръ твой свѣтлый ликъ въ восторгѣ созерцалъ,
« Мой слухъ гармоніи міровъ твоихъ внималъ;
« И, погружаясь душой въ сіянье золотое,
« Прости, я потерялъ наслѣдіе земное. »

Зевесъ ему въ отвѣтъ: — Вся рѣздана земля,
Ужъ больше не мои ни воды, ни поля;
Но если въ небесахъ захочешь жить со мною,
То небо навсегда отверсто предъ тобою. —

XI.

СЕГОДНЯ МНѢ ИСПОЛНИЛОСЬ 36 ЛѢТЪ.

Миссолонги, 23 января 1824 г.

Изъ Байрона.

(Посв. М. Л. Михайлову).

О, сердце, замолчи! пора забыть страданья...
Ужé любви ни въ комъ тебѣ не возбудить;
Но если возбуждать её не въ состояньи,
Все жъ я хочу еще любить!

Какъ листья, дни мои поблѣкли и завяли;
Цвѣты моей любви оборваны грозой,
И вотъ — грызущій червь, упреки и печали
Одни остались со мной.

Какъ гибельный вулканъ, средь глади водъ безбрежной,
Мой внутренній огонь клокочетъ съ давнихъ поръ;
Не свѣточъ онъ зажжетъ, таинственный и нѣжный,
А погребальный мой костеръ.

Ни страха, ни надеждъ, ни гордаго страданья,
Ни пламени любви, растроченной въ борьбѣ,
Я раздѣлять теперь ужé не въ состояньѣ,
Неся ихъ цѣпи на себѣ...

Но здѣсь ли и теперь, когда всё жаждетъ боя,
Такая мысль могла возстать въ умѣ моёмъ,
Гдѣ слава лаврами вѣнчаетъ гробъ героя,
Или чело его вѣнкомъ?

И слава Греціи вокругъ меня сіяетъ,
Съ ея полями битвъ, хоругвью и мечемъ.
Здѣсь каждый бранный щитъ отважному вѣщаетъ:
« Иль съ нимъ, или на нёмъ! »

Возстань!... (не Греція — она ужé возстала),
Но ты, душа моя, очнися и возстань!
И, вспомнивъ доблесть тѣхъ, въ комъ кровь моя играла,
Зажгись въ груди моей на брань!

Возстань и раздави могучею пятою
Воспрянувшихъ страстей отжившія мечты!
Возстань, чтобъ отвѣчать холодною одною
На смѣхъ и слёзы красоты!

Къ чему же жить, когда ты юности жалѣешь?
Земля, гдѣ можетъ смерть быть славной, — предъ тобой.
Впередъ! и покажи, что ты еще съумѣешь
Погибнуть въ битвѣ, какъ герой!

Иди, ищи того, что часто въ нашей долѣ,
Не думая найти, находятъ безъ труда —
Могилу воина; найди её на полѣ,
И успокойся навсегда!

XII

Уже одиннадцать часовъ
Въ сосѣдней комнатѣ пробило,
И стукъ колесъ, и шумъ шаговъ —
Все близкій полдень возвѣстило.

Ужъ свѣтъ дневной со всѣхъ сторонъ
Сквозь щели ставень проникаетъ,
И въ немъ пылинокъ миллионъ
Кружится, блещетъ и играетъ;

Да двѣ-три мухи, чуя день,
Едва пригрѣтыя весною,
Тревожа сладостную лѣнь,
Жужжать, кружатся надо мною:

А я не въ силахъ отогнать,
Страхнуть съ себя полудремоты,
Чтобъ міръ видѣній промѣнять
На ежедневныя заботы...

— 38 —

XIII.

ГЕРО И ЛЕАНДРЪ.

Изъ Шиллера.

(Посв. Д. Е. Мину).

Золотясь подь солнцемъ юга,
Смотрятъ замки другъ на друга,
И, шумя подь ихъ пятой,
Геллеспонтъ легко и смѣло
Сквозь утесы Дарданела
Катить волны чередой.
Волны прыгаютъ на берегъ,
Стонутъ, воютъ и кипятъ,
Рвутъ отъ Азіи Европу,
Но любви не устрашатъ.

Богъ любви — Эротъ могучій —
Сердце Гéro страстью жгучей —
И Леандра уязвилъ.
Геро — будто день прекрасный...
А Леандръ, охотникъ страстный,
Лѣсъ и пажити любилъ.
Но вражда отцовъ жестокихъ
Тяготѣла надъ четой,
И любовь ихъ колебалась
Надъ бездонной глубиной.

Тамъ на башнѣ у обрыва,
Подъ которой горделиво
Геллеспонтъ ревѣлъ и билъ,
Геро друга поджидала, —
Къ Абидосу взоръ склоняла,
Гдѣ любимецъ сердца жилъ.
Нѣтъ мостá на дальній берегъ,
Челнъ не мчится средъ валовъ;
Но любовь нашла дорогу
Безъ челновъ и безъ мостовъ.

Въ лабиринтъ она вступаетъ
И выходитъ; превращаетъ
Тушоумныхъ въ мудрецовъ;
Подъ ярмо звѣрей склоняетъ, —
Въ плугъ алмазный запрягаетъ
Огнедышащихъ воловъ.
Даже ярость Стикса злого

Для отважныхъ не страшна:
Мощно любящихъ спасаетъ
И изъ Тартара она.

Даже въ морѣ пламень страсти,
Полный нѣги, полный власти,
Духъ Леандра возбуждалъ.
И едва лишь день кончался,
Онъ отважно устремлялся
Въ бездны волнъ и уплывалъ,
Разсѣкая ихъ руками, —
Къ дорогой ему скалѣ,
Гдѣ мерцалъ привѣтный факелъ,
И манилъ его во мглѣ.

Позабывъ свой путь опасный,
На груди ея прекрасной
Согрѣвалъ младую кровь,
И вкушалъ душой отраду,
Ту, которую въ награду
Лишь дарить одна любовь,
День пока не пробуждалъ ихъ
Изъ мечтаній неземныхъ,
И не гналъ его въ пучину
Изъ объятій огневыхъ.

Тридцать разъ луна золотая
Озаряла, день смѣняя,
Ихъ любовь во тьмѣ ночей;

Но промчались ночи скоро,
Какъ завидная для взора
Безтѣлесныхъ, страсть людей.
Кто, съ несчастьями сдружившись,
Плодъ небесный не срывалъ
Съ береговъ рѣки Аида,
Тотъ блаженства не вкушалъ.

Такъ прошли, смѣняясь скоро,
Поздній Гесперъ и Аврора, —
Быстро шли за днями дни;
Но ни стужи приближенья,
Ни листовъ сухихъ паденья
Не замѣтили они,
И лишь видѣли съ восторгомъ
Уменьшенье круга дней,
Вмѣстѣ радуясь счастью
Продолжительныхъ ночей.

Вотъ вѣсы надъ небесами
Уравняли ночи съ днями,
И печальна и грустна
Видитъ Геро коней Феба,
Подходящихъ къ краю неба,
Ожиданія полна.
Море сгладилось, стихло —
Свѣтлымъ зеркаломъ легло;
Не сгибаетъ вѣтеръ знойный
Водъ упругое стекло.

Беззаботные дельфины,
Средь серебряной равнины,
Плнять воду подь собой,
И безмолвныя дружины
Мирныхъ жителей пучины
Вышли черною толпой;
Только рыбы ихъ свиданья
Подмѣчали иногда,
Но Геката ротъ беззвучный
Имъ зажала навсегда.

И любуясь, какъ игриво
Билось море, Геро льстиво
Изливалась въ мольбѣ:
« Свѣтлый богъ! ты не коварень?
« Нѣтъ, тотъ лживъ, неблагодарень,
« Кто не вѣрится тебѣ.
« Только люди вѣроломны, —
« Дышетъ холодомъ ихъ кровь;
« Ты же кротокъ, милосердень —
« И зоветъ тебя любовь.

« Безъ тебя, одна съ тоскою,
« За высокою стѣною
« Я бѣ увяла въ тишинѣ;
« Но ты милаго хранило
« И безъ лодокъ приносило
« На зыбяхъ своихъ ко мнѣ.
« Глубока твоя пучина,

« Страшенъ ревъ твоихъ валовъ,
« Но отвага побѣждаетъ,
« Не боится ихъ любовь.

« И тебя, морей властитель,
« Поражалъ Эроть-мучитель:
« Хороша и весела,
« Надъ блистающимъ чертогомъ,
« На быкъ золоторогомъ
« Гелла по морю плыла.
« Быстро вышелъ ты изъ моря,
« Побѣжденный красотой,
« И въ пучину съ плечъ могучихъ
« Ты увлекъ ее съ собой.

« Грозный богъ! и ты, богиня!
« Вы, живущіе въ пучинѣ,
« Вы, любовниковъ покровъ! —
« Друга милаго введите
« Въ пристань, или усмирите
« Ярость пѣнистыхъ валовъ!
« Гелла — добрая богиня!
« Снизойди къ моимъ мольбамъ:
« Принеси его сегодня
« Снова къ этимъ берегамъ!»

Туча небо омрачаетъ...
Геро факель раздуваетъ,
Чтобъ онъ ярче освѣтилъ

Мракъ таинственной пустыни,
Чтобъ онъ милому въ пучинѣ
Знакомъ дружественнымъ былъ.
Но, шумя и угрожая,
Море стонетъ и ревётъ;
Въ небѣ звѣзды потухаютъ...
Въ морѣ буря настаётъ.

Мракъ нависнулъ и сгустился
Надъ пучиной, и полился
Дождь шумливою рѣкой;
Въ мракѣ молніи сверкаютъ;
Изъ ущелій вылетаютъ
Вихри шумною гурьбой:
Роютъ гибельныя бездны
На пространствѣ водяномъ
И, какъ челюсти Аида,
Разверзаютъ ихъ кругомъ.

Въ страхѣ Геро восклицала:
« Зевсѣ! о чемъ я умоляла?...
« Не внимай моимъ мольбамъ,
« И избавь меня отъ горя!
« Можетъ быть, ужъ въ безднахъ моря
« Онъ стремится по волнамъ...
« Вотъ и птицы водяныя
« Съ крикомъ на берегъ летятъ,
« И суда, предвидя бурю,
« Къ вѣрнымъ пристанямъ спѣшатъ.

« Вѣрно онъ, неустрашимый,
« Страстью пылкою гонимый,
« Ужъ теперь сюда плыветъ.
« Онъ въ томъ клялся предо мною
« Страсти клятвою святою, —
« Сдержать, если доживетъ!
« Ахъ! теперь, быть можетъ, близко
« Волны съ нимъ борьбу ведутъ,
« И его въ свою пучину,
« Безпощадныя, влекутъ.

« Понтъ коварный! Понтъ презрѣнный!
« Твой покой дышалъ измѣной:
« Ты, какъ зеркало, сіялъ...
« Разстилался пеленою,
« И коварной тишиною
« Несчастливца привлекалъ;
« Но едва въ свои объятья
« Принялъ друга моего, —
« И всѣ ужасы пучины
« Ты обрушилъ на него! »

Буря стонетъ, завываетъ;
Море волны подымаетъ;
Ихъ могучая гряда
Бьется въ скалы — и боятся
Къ этимъ скаламъ приближаться
Крѣпкорѣбрыя суда.
Вотъ и факель потухаетъ —

Знакъ условный на скалѣ.
Дико, страшно воетъ море,
Такъ — что страшно на землѣ.

И несчастная молила,
Чтобъ Киприда упросила
Укротить свирѣпость водъ.
« Будетъ, вихри, вамъ награда:
« Вамъ за то — тельца изъ стада
« Въ жертву Геро принесётъ! »
И затѣмъ всѣ силы моря
Началá она молить —
Усмиряющее масло
Въ море бурное пролить.

« О! услышь меня и нынѣ,
« Водъ блаженная богиня!
« Выдь изъ храмины своей...
« Гелла! ты, чье появленье
« Служить вѣстникомъ спасенья
« Посреди морскихъ зыбей.
« Кинь свой, вытканый волшебю,
« Кинь покровъ ему ты свой:
« И спасетъ его безвредно
« Онъ изъ бездны роковой! »

Вихри буйные стихаютъ,
И на небо выѣзжаютъ
Кони Феба — изъ лучей;

Волны моря снова льются
Въ ложе прежнее; смѣются
Воздухъ съ моремъ веселѣй;
Волны въ берегъ каменистый,
Чуть колеблясь, тише бьютъ,
И, сверкая и играя,
Тѣло къ берегу несутъ.

Это онъ! — И безъ дыханья
Онъ исполнилъ общанье...
И на трупъ его она
Взоръ безжизненный вперяетъ,
Но не стонетъ, не рыдаетъ:
Педвжима, холодна,
Безутѣшно въ волны моря,
На луну она глядитъ...
И румянецъ благородный
На щекахъ ея горитъ.

« Узнаю васъ, силы злыя!
« Какъ ужасно, роковыя,
« Гнѣвъ исполнили вы свой!
« Рано нить его порвалась...
« Но я счастьемъ наслаждалась,
« Былъ прекрасенъ жребій мой.
« Я жила одной любовью,
« Наслаждаясь и любя;
« А теперь — погибну жертвой,
« Афродита, за тебя! »

И, взбѣжавши на стремнину,
Геро бросилась въ пучину...
Властелинъ зыбей морскихъ
Принялъ трупы ихъ святыя
Въ воды темно-голубыя —
Онъ могилой сталъ для нихъ.
И, гордась своей добычей,
Онъ ихъ бережно несётъ,
И изъ урны, вѣчно полной,
Воды пѣнистыя льётъ.

XIV.

ПЛЯСКА.

Изъ Шиллера.

Быстро игривой волною кружатся веселыя пары!

Пола касаясь едва окрыленной, воздушной ногою.

Что это? — легкія тѣни, тѣлесныя свергшія
цѣпи?

Или крылатые эльфы сплетаются въ лунномъ
мерцаньѣ?

Словно по воздуху стелется дымъ, колеблемый
вѣтромъ,

Какъ на струяхъ серебристыхъ качается легкая
лодка :

Прыгаетъ мѣрно нога подъ плѣнительный тактъ
музыкальный ;

Легкое тѣло подьѣмлетъ гармонія струнъ перелив-
ныхъ.

Вотъ отдѣлилась и, будто стараясь прорвать вереницу,

Мчится отважная пара къ тѣсно - сомкнутому ряду:

Вмигъ передъ ней разступается онъ и смыкается снова —

Словно волшебная сила открыла имъ путь и закрыла.

Мчится — и вотъ исчезаетъ изъ глазъ; и, въ дикомъ смятенѣ,

Рушится чудное зданье воздушнаго міра движенья.

Нѣтъ, она радостно снова несется — распутался узелъ!

Вновь возникаетъ порядокъ! прекрасное лишь измѣнилось!

Въ мірѣ движенья все рушится быстро, чтобъ вновь созидаться —

Тайный законъ управляетъ измѣнчивой жизни игрою.

Но отчего же возвращаются образы, быстро смѣняясь,

И движенье тѣхъ образовъ чудныхъ такъ полно покоя?

Каждый владѣетъ собой, повинуюсь лишь голосу сердца,

И поспѣшно идетъ своею обычной дорогой.

Это богиня гармоніи! — Это она превращаетъ

Буйный прыжокъ дикаря въ хороводную, стройную
пляску,

И укрощаетъ, подобно самой Немезидѣ, безумный,

Дикій восторгъ и веселье созвучья уздой золотою.

Или напрасно звучить предъ тобою гармонія міра,

И не хватаютъ за сѣрдце ни волны плѣнительныхъ
звуковъ,

Ни вдохновляющій тактъ, ни чудесная стройность
созданій,

Ни законъ неизмѣнный, который въ безбрежномъ
пространствѣ

Движетъ блестящія солнца извитыми смѣло пу-
тями?

Какъ же ты, слѣдуя мѣрѣ въ игрѣ, ей не слѣдуешь
въ жизни?

XV.

Б О К А Л Ъ.

Друзья разошлись. На столъ предо мною
Стоялъ недопитый бокаль,
И, пѣнясь, своей безконечной игрою
Мечту за мечтой навѣвалъ.

Душа утопала въ волшебномъ сіяньѣ,
Стремилась въ невѣдомый міръ,
И тамъ, за хаосомъ, среди мірозданья,
Впивала надзвѣздный эфиръ.

То мысли мои уносились далѣко —
Въ равнины, гдѣ пальмы шумятъ,
Гдѣ пышно межъ листьевъ, подъ солнцемъ востока,
Горитъ золотой виноградъ.

И мнѣ представлялись равнины Шампаньи, —
Онѣ разстилались вдали:
Я видѣлъ довольство, я видѣлъ старанье,
Я видѣлъ всю щедрость земли...

Вся область слилася въ одинъ виноградникъ,
Въ одинъ нескончаемый лѣсъ:
И дивенъ и чуденъ былъ этотъ разсадникъ
Чудеснаго дара небесъ.

Палящее солнце играло лучами
На вызрѣвшихъ, сочныхъ гроздяхъ,
И вѣтеръ прохладный, шумя межъ листьями,
Качалъ ихъ на гибкихъ лозахъ.

Края панорамы обрамили горы,
Коймой обхватили лѣса;
За ними синѣется что-то, но взоры
Лишь видятъ одни небеса.

Среди виноградниковъ свѣтлой коймою
Рѣка извиваясь течётъ,
Поить ихъ своею прозрачной волною,
И пѣнить, и плещеть, и бѣётъ.

И я на поляну — на этотъ избытокъ —
Съ какимъ-то восторгомъ глядѣлъ,
И думалъ невольно про чудный напитокъ,
Который въ бокалѣ кипѣлъ...

XVI.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Нѣтъ драгоцѣннѣй въ мірѣ дара,
Какъ наша молодость, друзья!
Она, какъ свадебная чара,
Полна завѣтнаго питья.
И этой чары драгоцѣнной,
Нашъ лучший жизненный фіаль,
За всѣ сокровища вселенной
Никто изъ насъ бы не отдалъ.

Пока мы молоды — безопасно
За наслажденьями спѣшимъ,
И, наслаждаясь безконечно,
Тогда лишь знаемъ цѣну имъ.

И мы собираемся за чашей,
Усыплены, упоены...
И только молодости нашей
Не знаемъ истинной цѣны.

Пока мы молоды — мы любимъ,
Мы можемъ истинно любить,
И въ сердцѣ страсть свою голубимъ,
Хоть и разлюбимъ, можетъ быть...
И мы кидаемся на встрѣчу
Тому, что сердце шевелить:
Бѣжимъ за славой, мчимся въ сѣчу,
И жизнь въ насъ пышетъ и кипитъ.

Такъ будемъ жить и наслаждаться,
Пока мы молоды ещё,
Пока намъ не съ кѣмъ разставаться,
Пока въ насъ сердце горячо.
И такъ сберемся вновь за чашей,
И будемъ пользоваться вновь
Правами молодости нашей —
Любить и пѣть свою любовь!

XVII.

ЮНОША У РУЧЬЯ.

Изъ Шиллера.

Надъ ручьемъ пастухъ печальный
Рвалъ поблекшій свой вѣнокъ,
И глядѣль, какъ торопливо
Уносилъ цвѣты потокъ.
Такъ и дни мои уходятъ,
Будто волны за волной,
Такъ и юность увядаетъ,
Какъ вѣнокъ мой полевой.

О, не спрашивайте болѣ,
Что такъ сердце тяготитъ! —
Обновленная природа
Всѣхъ надеждой веселитъ;

Но и этотъ внятный голосъ
Пробудившейся весны —
Пробуждаетъ лишь страданья —
Сердце рветъ до глубины.

Что мнѣ въ этихъ дняхъ роскошныхъ ,
Полныхъ внешней красоты?
Вѣчно близкой и далёкой —
Ей одной мои мечты.
Къ *ней* я руки простираю ,
Къ *ней* стремлюся всей душой ,
Но она неуловима ,
И бѣжитъ меня покой.

Позабудь свои чертоги!
Припади ко мнѣ на грудь!
Я весенними цвѣтами
Скрашу жизненный твой путь.
Въ рощѣ пѣсни раздаются ,
Ключь струится съ высоты:
Вѣдь и въ хижинѣ просторно
Для любящейся четы.

XVIII.

Ш И Н Ь О Н А.

Изъ Гете.

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ рдѣетъ померанецъ,
Гдѣ золотитъ лимонъ зари живой румянецъ,
Гдѣ вѣетъ тишиной съ безоблачныхъ небесъ,
И мирта высока и тихъ лавровый лѣсъ —
Ты знаешь ли его?

Туда, туда, туда
Умчалась бы съ тобой, мой милый, навсегда!

Ты знаешь ли чертогъ? Нависнулъ надъ столпами
Узорный потолокъ; сіяетъ залъ огнями;
И статуи стоятъ и въ очи миѣ глядятъ:
«Что сталося съ тобой, бѣдняжка?» говорятъ.
Ты знаешь ли его?

Туда, туда, туда
Умчалась бы съ тобой, мой милый, навсегда!

Ты гору знаешь ли съ подоблачной стезёю?
Лошакъ въ ней путь пробилъ копытомъ подь собою;
Въ разсѣлинѣ скалы гнѣздится старый змѣй;
Дрожитъ утесъ, реветъ потокъ среди камней.
Ты знаешь ли её?

Туда, туда, туда
Лежить нашъ путь, отецъ! — умчимся навсегда!

XIX.

ФАНТАЗІЯ — ЛАУРЪ.

Изъ Шиллера.

Милая Лаура! назови ту силу,
Что такъ тѣло къ тѣлу трепетно влечетъ;
Назови, Лаура, то очарованье,
Что насильно сердце сердцу отдаетъ!

То она вокругъ солнца учить обращаться
Стройныя планеты вѣчной чередой;
И вокругъ владыки звѣзды тѣ кружатся,
Словно ребятишки вокругъ своей родной.

И впиваетъ жадно каждая планета
Золотистый дождикъ солнечныхъ лучей;
Пьетъ огонь и силу изъ сосуда свѣта,
Какъ изъ мозга члены жизненный елей.

Солнечную искру съ солнечною искрой
Сочеталъ любовно міровой законъ...
Не любовь ли движеть сферы міровыя?
Не на ней ли остовъ міра утверждёнъ?

Удали богиню съ колеса природы —
И система міра распадется въ прахъ:
Съ грохотомъ планеты упадутъ въ пространство,
И Ньютонъ заплачетъ о былыхъ мірахъ...

Пусть любовь покинетъ этотъ міръ духовный —
И подъ гнѣтомъ тѣла духъ его замретъ...
Безъ любви весною май не возвратится;
Безъ любви молитва къ Богу не дойдетъ.

Отчего, Лаура, поцѣлуй милой
Зажигаютъ пламя на щекахъ моихъ,
Заставляютъ сердце биться съ новой силой,
Кровь воспаменяютъ въ жилахъ молодыхъ? —

Жизненные силы расторгаютъ узы,
Кровь наружу рвется выбиться ключомъ,
Жаркія объятія просятся въ объятія,
И сердца пылаютъ въ пламени одномъ.

Также полновластно, какъ въ твореньѣ мертвомъ,
Въ вѣчномъ тяготѣньѣ атомовъ міровъ —
Также полновластно — въ *ткани Арахнеи*
Всей живой природы царствуетъ любовь!

Посмотри, Лаура! — радость обнимаетъ
Страждущее горе, горе усыпивъ;
На груди надежды тихо замираетъ
Скорби нестерпимой бѣшеный порывъ.

Братское лобзанье разгоняетъ тучи —
Безотрадный сумракъ тягостныхъ скорбей...
И глаза, сверкая сладкими слезами,
Отражаютъ прелесть солнечныхъ лучей.

Милая! — не та же ль злая симпатія
Насъ влечетъ упорно въ царство тьмы и зла?...
Наши преступленья съ адомъ сочетались,
И враждуютъ съ небомъ мысли и дѣла!...

Вкругъ грѣха сплелися узловатымъ змѣемъ
Стыдь и безнадежность — пара Эвменидъ;
Взмахи мощныхъ крылій славы безконечной
Грозная опасность зорко сторожить.

Гордостью играетъ жалкое паденье,
Зависть отравляетъ счастье нашихъ дней,
И развратъ беспильно падаетъ въ объятья
Неизбѣжной смерти — злой сестры своей.

На крылахъ любви будущее наше
Кинутся въ объятья прошлаго спѣшить;
И Сатурнъ упорно по волнамъ пространства
Вслѣдъ своей невѣстѣ-вѣчности летить.

Но наступитъ время (говоритъ оракулъ) —
И Сатурнъ невѣсту-вѣчность обрѣтётъ;
Пламень міра будетъ факеломъ ихъ брачнымъ,
И сѣдое время вѣчность обоймётъ.

Свѣтлая Аврора занялась надъ нами:
То любви денница, свѣтлый ангелъ мой!
Какъ ихъ брачной ночи, ей конца не будетъ...
Милая Лаура, радуйся со мной!

ЗАУТРА БОЙ.

Отрывокъ изъ поэмы.

Заутра бой. Заутра вновь
 Заблещетъ мечъ, польется кровь :
 Заутра много, слишкомъ много,
 Во имя рáспятаго Бога,
 Во имя братства и любви,
 Падеть и въ ранахъ и въ крови.
 Заутра — слава и паденье;
 Заутра надобно рѣшить
 Европы тяжкое сомнѣнье,
 Святое *быть или не быть*.
 Заутра Шведы и Имперцы
 Сойдутся въ прахъ боевомъ,
 На жизнь и смерть, какъ иновѣрцы,
 Какъ личный врагъ съ своимъ врагомъ.

Заря печально догорала
За гребнемъ дремлющей горы,
И алымъ блескомъ озаряла
Вокругъ разбитые шатры.
Два непріятельскіе стана,
И съ той и съ этой стороны,
Подъ ризой горнаго тумана,
Въ глубокой сонъ погружены.
Лишь громкій окликъ часового
На время эхо пробуждалъ, —
И вокругъ все тихо было снова.
Станъ опочилъ, но вождь не спалъ.
Все тихо въ ставкѣ Валленштейна:
Склонясь надъ картою, герой
Стремился взоромъ и душой
Къ равнинамъ Одера и Рейна.
Его прошедшее влекло
Къ полямъ сраженій, гдѣ, бывало,
Побѣда лаврами вѣнчала
Его высокое чело.
Сейчасъ окончивъ наблюденья
Надъ положеніемъ планетъ,
Онъ вновь обдумывалъ сраженье,
Питомецъ славы и побѣдъ;
И грудь могучую терзали
Честолюбивыя мечты:
То громкой славой обольщали,
То скиптръ Богеміи казали,
То низвергали съ высоты.

Не такъ желанное сраженье
Встрѣчалъ воинственный Густавъ:
Свершивъ вечернее моленье
И Божье Богови воздавъ,
Онъ погруженъ былъ въ размышленье...
И думалъ царственный герой,
Что скоро, скоро грянетъ бой,
Исходъ котораго, быть можетъ,
Одни страданія умножить
Его друзей. То думалъ онъ,
Что онъ судьбой опредѣленъ
Спасти своихъ единовѣрцевъ
Отъ угнетенія Имперцевъ;
Что назначеніе его —
Отдать германскому народу
Религіозную свободу,
И пасть, быть можетъ, за него.

И, полный вѣры въ Провидѣнье,
Онъ ждалъ желанное сраженье
Съ спокойной ясностью лица;
Глаза надеждою сіяли...
И вновь уста его шептали
Псалмы вѣнчающаго пѣвца.

XXI.

ИЗЪ КРАББА.

Подобно ласточкамъ, которыя рядами
Стоять на отмели, съ подъатыми крылами,
И ждутъ, чтобъ отлетѣть съ попутнымъ вѣтеркомъ
И я стоялъ и ждалъ на берегу морскомъ
Минуты—бросить всё и въ край другой умчаться.
И я жалѣлъ о тѣхъ, кто долженъ былъ остаться,
Чтобъ слушать вѣчный ревъ пучины, и прожить
Весь вѣкъ на берегу, къ которому стремятся
Сердитые валы, грозя его залить...

XXII.

КАРФАГЕНЪ.

Изъ Шиллера.

Выродокъ слабый праматери рода людского ,
Соединившій римскую лживость съ хитростью Тира:
Силою тотъ управлялъ покоренной землёю, а
этотъ
Мудростью правилъ вселенной, её обирая. Что
скажетъ
Поздній историкъ о славѣ твоей? Какъ Римля-
нинъ — сталью
Ты добывалъ себѣ то , чѣмъ золотомъ правилъ по-
тирски.

XXIII.

КУПЕЦЪ.

Изъ Шиллера.

Куда плыветъ корабль подъ всѣми парусами?
Изъ сѣверной земли, лежащей за морями,
Онъ намъ везетъ янтарь, желѣзо и свинецъ.
О, волны! вы его лелѣйте, берегите!
А вѣтры къ пристани желанной приведите,
И тамъ ему ручки живые прошумите!
Вамъ, боги, вамъ однимъ принадлежитъ купецъ!
Онъ ѣдетъ торговать — онъ ѣдетъ за добромъ:
Такъ пусть все доброе свершится съ кораблёмъ.

XXIV.

Уже давно я не молился —
И для души моей больной
Весь міръ божественный покрылся
Какой-то черной пеленой.

Я позабылъ мои молитвы,
И Божій гнѣвъ и Божій страхъ:
Душа, рожденная для битвы,
Спокойно нѣжится въ грѣхахъ.

И возникаютъ предо мною
Тѣ дни любви, когда и я
Молился, вѣрилъ — и душою
Парилъ въ надзвѣздные края.

И мнилось — вновь я видѣлъ свѣчи
Передъ распятіемъ святымъ,
И слышалъ вновь святыя рѣчи,
И вновь, какъ прежде, вѣрилъ имъ.

Онѣ таинственно звучали...

И, раздаваясь едва,

Глубоко въ душу проникали

Святыя, вѣщія слова.

Тогда всему я слѣпо вѣрилъ,

Все близко къ сердцу принималъ,

А нынѣ — разумомъ измѣрилъ —

И счастье съ вѣрой потерялъ.

Такъ въ вѣчность бурно, неозвратно

За годомъ годы утекли,

И всё, что вспомнить намъ пріятно,

Ужé мнѣ видится вдали.

И я опять хочу молиться,

Хочу повергнуться во прахъ,

Но мой языкъ не шевелится —

Слова нѣмѣютъ на устахъ.

XXV.

ПУТЕВОДИТЕЛИ ЖИЗНИ.

Изъ Шиллера.

Смертный! два генія чудныхъ ведутъ тебя въ жизнь. Счастливъ ты,
Если они, помогая другъ другу, ведутъ тебя
вмѣстѣ!
Рѣзвой игрою одинъ сокращаетъ твой путь: опираясь
На исполинскую руку его, ты судьбу и заботы
Смѣло встрѣчаешь тогда, и, играя, тебя онъ приводитъ
Къ безднѣ, гдѣ человѣкъ, содрогаясь, стоитъ передъ моремъ
Вѣчности. Здѣсь другой молчаливо тебя принимаетъ,

И черезъ черную бездну гигантской рукой пере-
носить.

Нѣтъ, ты вполнѣ никогда одному лишь изъ нихъ не
ввѣрайся!

Не довѣрай одному своей чести, а счастья — дру-
гому!

XXVI.

....bleichet meine Jugend!

Schiller.

Меня преслѣдуетъ какой-то демонъ злой,
Хотя я самъ еще назвать его не знаю;
Какая-то тоска тревожить мой покой, —
И я скорблю, досажую, страдаю.

Какъ вѣтеръ осенью поблекшіе листы
Разносить по полямъ, по дебрямъ, по дорогѣ,
Такъ радости мои, надежды и мечты
Развѣяли житейскія тревоги.

Мнѣ нѣкого любить! — Мнѣ нѣкуда идти!...
Что въ сердцѣ безъ огня, разбитомъ и уснувшемъ?
И вотъ я, какъ бѣглець, на жизненномъ пути
Стою одинъ — одинъ съ своимъ минувшимъ.

XXVII.

ТАЙНАЯ ГРУСТЬ.

Къ чему скрывать свои сомнѣнья,
Къ чему тоску свою тайть
Отъ тѣхъ, кто можетъ исцѣленья
Бальзамъ на раны намъ пролить?
Я понялъ, бѣдное созданье,
Твое безмолвное страданье,
Я видѣлъ грусть твою не разъ, —
Какъ слёзы падали изъ глазъ.

Мы оба жили — и страдали, —
Такъ ты страданій не таи:
Я разрѣшу твои печали,
Сомнѣнья вѣчныя твои.

Но ты глубоко, какъ могила,
Свои страданья затаила,
И не откроешь никому,
Ни даже другу твоему...

XXVIII.

П О Р У К А.

Изъ Шиллера.

Однажды, съ ножомъ подъ полою, тайкомъ,
Въ чертогъ къ Діонисію Мёросъ пробрался;
Но былъ уличенъ и подъ стражу попался.

— Скажи мнѣ, чего ты искалъ здѣсь съ ножомъ? —

Спросилъ Діонисій его съ торжествомъ.

« Свободы отчизны... я связанъ обѣтомъ!... »

— Злодѣй! на крестѣ ты раскаешься въ этомъ! —

« Давно ужъ себя я на гибель обрѣкъ,

« И — вѣрь мнѣ — не стану молить о прощеньѣ.

« Но если доступно тебѣ сожалѣнье, —

« Назначь, передъ смертью, трехдневный мнѣ срокъ,

« Чтобъ свадьбу сестры я отпраздновать могъ,

« И друга тебѣ я оставлю порукой,

« А если укроюсь — отвѣтитъ онъ мукой. »

Транъ усмѣхнулся, и, бросивши взглядъ
На Мёроса, молвилъ, прервавъ размышленье:
— На срокъ я согласенъ, — узнай снисхожденье,
Но помни, что только три дня пролетятъ
И ты не придешь въ Сиракузы назадъ,
Я *вѣрнаго друга* предамъ на мученье,
А ты его казнь заслужишь прощенье. —

И вотъ онъ у друга: « Властитель обрѣкъ
« Меня на позорную казнь — на распятье,
« За умыселъ мой, за мое предпріятъе,
« Но дать согласился трехдневный мнѣ срокъ,
« Чтобъ свадьбу сестры я отпраздновать могъ:
« Побудь-же ты здѣсь у него въ заключеньѣ —
« Надежной порукой въ моемъ возвращеньѣ. »

И другъ обнимаетъ его — и идѣтъ
Въ темницу, подъ крѣпкую стражу тирана.
А Мёросъ уходитъ оттуда. Но рано,
На третіе утро, онъ съ ложа встаѣтъ,
Спѣшитъ совершеньемъ обряда, — и вотъ
Онъ снова въ дорогѣ, смираясь предъ рокомъ, —
Боится промедлить назначеннымъ срокомъ.

Вдругъ буря: и вѣтеръ, и ливень съ грозой,
Потоки въ долины съ высотъ устремились,
Ручьи разлились, взволновались, озлились...
А Мёросъ всё дальше... вотъ мостъ надъ рѣкой,
Но волны срываютъ его, и съ собой

Уносятъ и топятъ въ глубокія воды,
Дробя и ломая послѣдніе своды.

Напрасно, блуждая надъ бурной рѣкой,
Онъ взоры въ туманную даль устремляетъ
И зовъ изступленный имъ вслѣдъ посылаетъ;
Челнокъ не рѣшается выйти на бой
Съ холодною бездною, съ ревущей волной,
Затѣмъ, что боится погибели въ спорѣ...
И дикій потокъ превращается въ море.

И Мѣросъ заплакалъ, и руки его
Невольно поднялись къ небесъ Властелину:
«Зевесъ! умири роковую пучину!
«Часы убѣгаютъ, и солнце давно
«Достигло полудня, и если оно
«Зайдетъ, а меня въ Сиракузахъ не будетъ —
«Тиранъ на распятіе друга осудить!»

А рѣчка всё злится, всё роетъ песокъ;
И волны уходятъ, волна за волною,
И время проходить своей чередою...
Тогда, проклиная обманчивый рокъ,
Онъ смѣло кидается въ бурный потокъ,
И бьётъ его волны могучей рукою,
И къ берегу править, хранимый судьбою.

И, спасшись, онъ дальше... и каплять съ рѣсницъ
Невольныя слёзы — молитвой Зевесу...

На встрѣчу ему изъ сосѣдняго лѣсу
Выходитъ толпа кровожадныхъ убійцъ.
Враждой и жестокостью вѣетъ съ ихъ лицъ;
Они надъ собой кистенями махаютъ,
И дерзко дорогу ему заступаютъ.

« Чего вы хотите? » скрывая испугъ,
Спросилъ онъ: « я всё потерялъ, кромѣ жизни,
« И тою пожертвовалъ милой отчизнѣ. »
И, вырвавъ дубину изъ вражескихъ рукъ,
Онъ вскрикнулъ: « нѣтъ, ты не погибнешь, мой другъ! »
Онъ вскрикнулъ — и трое на мѣстѣ остались,
А всѣ остальные ушли, разбѣжались.

А солнце всё катитъ свой огненный кругъ...
И путникъ, лишенный живительной тѣни,
Совсѣмъ обезсиленъ, упалъ на колѣни:
« Не ты-ль меня спасъ изъ разбойничьихъ рукъ,
« Извлекъ изъ пучины — избавилъ отъ мукъ, —
« Ужé-ли-жь теперь я, убитый недугомъ,
« Здѣсь долженъ погибнуть, пожертвовать другомъ? »

И что-же! — гремя серебристой волной,
Какъ будто ручей прожурчалъ не далѣко:
Онъ внемлетъ, вокругъ обращается око, —
И видитъ — изъ впадинъ подъ ближней скалой,
Журча, выбѣгаетъ источникъ живой;
И радостно Мёросъ къ нему припадаетъ, —
Усталые члены водой освѣжаетъ.

Но вотъ ужъ и солнце на злакахъ полей,
Кидае лучи сквозь зелѣныя сѣни,
Рисуетъ деревьевъ гигантскія тѣни.

Два путника идутъ дорогой своей;
Онъ ихъ обгоняетъ, какъ вдругъ ихъ рѣчей
Ужасные звуки къ нему долетаютъ:
«Теперь ужъ конечно его распинаютъ!»

Тревога и страхъ его ноги крылятъ;
Въ душѣ его — муки; онъ самъ себѣ страшенъ.
Но вотъ Сиракузы! вершины ихъ башенъ
Слегка позлащаетъ румяный закатъ.
Выходитъ на встрѣчу ему Филостратъ,
Отпущенникъ, дома его управитель.
Узналъ его издали вѣрный служитель.

— Назадъ! совершилось! — онъ тихо сказалъ:
— Бѣги же отсюда! не медли спасеньемъ!
Твой другъ умираетъ — онъ преданъ мученьямъ;
Онъ съ часу на часъ всё надѣялся, ждалъ,
Всё ждалъ и не вѣрилъ, чтобъ ты опоздалъ:
Ничьи нареканья, ничьи увѣренья
Смутить не съумѣли его убѣжденья. —

«О! если ужъ поздно, и я не поспѣлъ
«Явиться предъ другомъ спасителемъ жданнымъ,
«Распятъ мнѣ будетъ удѣломъ желаннымъ,
«Чтобъ послѣ тиранъ говорить не посмѣлъ,
«Что я обѣщанья сдержать не умѣлъ:

« Пускай Діонисій двѣ жертвы погубить ,
« Но знаетъ, что люди и вѣрятъ и любятъ. »

Ужь подъ вечеръ Мёросъ достигнулъ воротъ ,
И видитъ : на площади крестъ возвышался ;
Вокругъ беззаботно народъ волновался ,
И друга на крестъ подымали... но вотъ
Вдругъ Мёросъ воскликнулъ , раздвинувъ народъ :
« Палачъ ! распинай меня — вотъ мои руки !
« Я тотъ, за кого онъ сталъ жертвой поруки. »

И вздрогнулъ и стихъ изумленный народъ.
Друзья обмѣнялись словами участя ;
И плачутъ отъ горя , и плачутъ отъ счастья , —
И всѣ прослезились съ ними... но вотъ
Самъ грозный тиранъ обо всёмъ узнаётъ , —
Дивится друзьямъ , и, познавъ умиление ,
Привести ихъ къ себѣ отдаетъ повелѣнье.

Пришли. Діонисій на нихъ посмотрѣлъ
И молвилъ : — Вы сердце мое побѣдили !
Есть дружба ! — я вѣрю святой ея силѣ !...
И что раздѣлить бы я съ вами хотѣлъ ,
Такъ это въ союзѣ межъ вами удѣлъ :
Когда вы согласны съ желаніемъ этимъ —
Пусть буду въ союзѣ межъ вами я третьимъ. —

XXIX.

АЛЬПУХАРЫ.

БАЛЛАДА.

Изъ Мицкевича.

Поля, городá сожжены безъ пощады ;
Народъ мавританскій въ цѣняхъ...
Еще защищаются стѣны Гренады,
Но злая зараза въ стѣнахъ.

Еще защищаютъ — Альмáнзоръ съ вождями —
Вершины родныхъ Альпухаръ.
Испанецъ свой стягъ водрузилъ подъ стѣнами, —
Заутра послѣдній ударъ.

И вотъ загремѣли орудья съ разсвѣтомъ :
Обрушились стѣны и валъ ;
Блеснули кресты надъ большимъ минаретомъ —
И замокъ разрушенный палъ.

Одинъ лишь Альмáнзоръ, когда въ оборонѣ
Отрядъ его лёгъ головой,
Межъ копій и сабель и пуль отъ погони
Прорвался сквозь вражескій строй.

А гордый Испанецъ, возсѣвъ на руинахъ,
Межъ труповъ и свѣжихъ могилъ,
Ужé пировалъ, и, купаясь въ винахъ,
Добычу и плѣнныхъ дѣлилъ.

Но стража вождемъ пировавшимъ доносить,
Что рыцарь далёкихъ сторонъ
Вождей о свиданьѣ немедленномъ просить, —
Что съ важною тайною онъ.

И былъ то — Альмáнзоръ, эмиръ Мавританцевъ:
Покинувъ пріютъ боевой,
Онъ самъ предавалъ себя въ руки Испанцевъ,
Моля ихъ объ жизни одной.

« Испанцы! » сказалъ онъ: « во прахъ у порога
« Челомъ я склониться пришолъ;
« Пришолъ я увѣровать въ вашего Бога,
« Услышать священный глаголъ.

« Весь міръ да узнаётъ, что честнымъ булатомъ
« Низлóженный царь и герой
« Своихъ побѣдителей хочетъ быть братомъ,
« Вассаломъ короны чужой. »

Испанцы отвагу всегда уважали:

Едва онъ былъ узнанъ вождёмъ,
Какъ тотъ его обнялъ, — и всѣ обнимали,
Его лобызали потомъ.

Альмáнзоръ, на ласки вождей отвѣчая,

Всѣхъ пламеннѣй главнаго сжалъ:
Обнялъ его шею, за рѣки хватая,
Къ устамъ его крѣпко припалъ.

Затѣмъ ослабѣлъ, на колѣни склонился;

Но все еще слабой рукой
Держась за одежду, за нимъ онъ влачился,
Обматывалъ ноги чалмой.

Взглянуль, приподнялся — и всѣ изумились,

Такъ блѣденъ и страшенъ онъ былъ,
Такъ страшно глаза его кровью налились,
И смѣхомъ уста искривилъ:

« Смотрите — я блѣденъ, презрѣнные гады!...

« Узнайте же, кто я такой:

« Я васъ обмануль, — возвратясь изъ Гренады,

« Заразу принесъ вамъ съ собой!

« Заразу привилъ вамъ своимъ лобызаньемъ, —

« И ласки тѣ яда полны!

« Смотрите на корчи, внимайте стенаньямъ:

« Такъ всѣ умереть вы должны! »

И мечется, стонетъ, и, кажется, хочетъ,
Тоскою предсмертной томимъ,
Обнять всѣхъ Испанцевъ, и страшно хохочетъ,
Хохочетъ онъ смѣхомъ глухимъ...

И умеръ. Еще не сомкнулися вѣки,
И холодъ не тронулъ лица,
А демонскій смѣхъ уже замеръ на вѣки
На блѣдныхъ устахъ мертвеца.

Напрасно Испанцы уйдти торопились:
Зараза не знаетъ преградъ, —
И, прежде чѣмъ съ горъ Альпухарскихъ спустились,
Погибъ ихъ послѣдній отрядъ.

XXX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ.

Ужь много лѣтъ — кровавыхъ лѣтъ
Въ борьбѣ Германія страдала :
Вѣнчалась лаврами побѣдъ
И землю кровью поливала.

И смерть, какъ грозный геній зла
Дыша насильемъ и бѣдами,
Её широко облекла
Своими черными крылами.

Но ни сверкающій булатъ,
Ни грабежи, ни пораженья
Не поколеблять, не смутять
Пророковъ новаго ученья :

Необозримая страна
Отъ Рейна, Одера и Бельта
До Праги вражеской — полна
Великихъ подвиговъ Мансфельта.

Брауншвейгскій герцогъ Христіанъ
За вѣру мечъ свой подымаетъ, —
И стягъ побѣдный лютеранъ
Повсюду слава озаряетъ.

И, жаждой подвиговъ томимъ,
Георгій-Фридрихъ благородный
Вооружился, вслѣдъ за нимъ,
За вѣру — храбрый и свободный.

И кровь обильнѣй потекла,
Жилища снова задымились,
И вновь великія дѣла,
Въ крови омытыя, свершились.

Все ополчилось на враговъ, —
И Валленштейнъ съ свирѣпымъ Тилли
Тѣлами храбрыхъ земляковъ
Поля германскія покрыли.

Ея стези путемъ побѣдъ,
Какъ будто ангелъ-истребитель,
Исполненъ ужасовъ и бѣдъ,
Прошолъ баварскій предводитель:

И всюду пепель означалъ
Его побѣдныя вторженья;
И Магдебургъ кровавый палъ —
Кровавой жертвой ослѣпленья:

Упали куполы церквей;
Погибли въ сѣчахъ горожане;
И даже женщинъ и дѣтей
Не пощадили христіане.

Три дня наёмная рука
Въ крови невинной обагралась;
Три дня широкая рѣка
Волной кровавою вздымалась.

Не пощадила ничего
Богиня зла и истребленья, —
Но тѣнь кровавая его,
Стеная, требовала мщенья...

XXXI.

ИЗЮМЦАМЪ.

Есть на Руси полки лихіе
(Не даромъ слава ихъ громка),
Но вѣрно нѣтъ во всей Россіи
Славнѣй Изюмскаго полка!

Тебѣ — храбрѣйшій изъ храбрѣйшихъ, —
Тебѣ, нашъ полкъ, тебѣ привѣтъ!
Пусть доживетъ время позднѣйшихъ
Могучій громъ твоихъ побѣдъ!

Ужъ двѣсти лѣтъ твои знамѣны
Ведутъ къ побѣдѣ, на враговъ,
Лихіе сотни, эскадроны
Твоихъ воинственныхъ сыновъ.

Какими дальними землями
Къ побѣдамъ ты не проходилъ?
Какими свѣтлыми водами
Коней своихъ ты не поилъ?

Какія битвы не видали
Твоихъ знамёнъ? какихъ полей
Шипы стальные не топтали
Твоихъ прославленныхъ коней?

И въ черной шапкѣ, съ пикой длинной,
Въ казачьемъ синемъ чекменѣ,
Брянча винтовкою старинной,
На пышно-гривомъ скакунѣ —

Ты такъ-же мчался, легче лани,
И билъ враговъ въ своихъ степяхъ,
Какъ и въ червонномъ доломанѣ,
Съ булатной саблею въ рукахъ.

Вездѣ, гдѣ только межъ рядами
Свистѣлъ губительный металлъ,
Гдѣ только кровь лилась рѣками —
Вездѣ ты былъ и побѣждалъ:

Въ Лиманъ въ челнахъ своихъ спускался,
Громилъ Поляковъ и Татаръ,
И шумной лавою врывался
Въ ряды свирѣпыхъ янычаръ.

Вездѣ коней твоихъ видали,
Баранью шапку на бекрень,
И бранный блескъ дамасской стали,
И кровью залитый чекмень.

Не разъ врубался въ батальоны,
Слеталъ на пушки, какъ перунъ
И опрокидывалъ колонны
Наполеоновскихъ драгунъ:

Вездѣ твой ментикъ темно-синій
И твой червонный доломанъ
Грозой носились между линій
Враговъ всѣхъ націй и всѣхъ странъ.

То за Днѣпромъ, не зная страха,
Ты штурмовалъ Кизы-Кермень,
То билъ отряды Шлиппенбаха,
Среди лифляндскихъ деревень;

То жегъ аулы Дагестана,
Громилъ воинственныхъ Донцовъ,
Иль отражалъ Дундúка-Хана,
Вождя калмыцкихъ удалцовъ;

Былъ подъ Лѣснымъ и подъ Полтавой,
Сражался съ прусскимъ Королемъ,
И за Кагуль леталъ за славой
Съ Екатерининскимъ орломъ;

Пултускъ, Эйлау и Балканы,
И партизанскіе бои,
И Бородинскіе курганы
Штандарты видѣли твои.

И даже разъ Парижъ смятѣнный
Въ своихъ прославленныхъ стѣнахъ
Видалъ твой доломанъ червонный,
Твой синій ментикъ въ галунахъ.

И сколько храбрыхъ и извѣстныхъ
Вождей въ бояхъ тебя вели,
И сколько подвиговъ чудесныхъ
Въ скрижали исторіи внесли!

И Квитка, въ битвахъ посѣдѣлый,
Капнистъ, Шидловскіе — бойцы,
И Краснокутскій — воинъ смѣлый,
И Захаржевскіе - Донцы,

И Хорватъ, — что въ степи Уральской
Такъ страшенъ былъ бунтовщикамъ,
Принцъ Фридрихъ Гессенъ-Филипстальскій,
Графъ Паленъ, Зоричъ, Миріамъ,

И Бенингсѣнъ, судьбой хранимый
Для битвъ иныхъ, въ странѣ иной,
И графъ Долонъ неустрашимый,
И незабвенный графъ Толстой,

И онъ — достойный сынъ отчизны,
Нашъ славный Дóроховъ-герой,
Что совершилъ такъ много въ жизни
Великихъ подвиговъ съ тобой!

Вездѣ, гдѣ только бой кровавый
Кипѣлъ губительнѣй, сильнѣй,
И звалъ отважнаго за славой,
Сквозь ужасъ тысячи смертей, —

Вездѣ онъ былъ — всегда холодный,
Всегда въ губительномъ огнѣ,
Сверкая сталью благородной,
Леталъ на сѣромъ скакунѣ.

Когда-жъ къ рядамъ полка родного
Онъ снова неся, какъ стрѣла,
Всегда съ клинка его стального
Струя кровавая текла.

Но и его взяла могила,
Земля холодная взяла....
Но слава имя сохранила
И прахъ его пережила.

Но если онъ и умеръ тѣломъ,
Все духъ его въ насъ не умретъ:
И если звукъ трубы предъ дѣломъ
Насъ вновь къ штандартамъ призоветъ,

Тогда, отважные Изюмцы,
Мы вновь помчимся на враговъ,
И пусть извѣдаютъ безумцы,
Все таже-ль въ насъ играетъ кровь!

Все такъ-же-ль гибельны удары,
Какъ прежнихъ рукъ — въ былые дни!...
И все-ль мы прежніе гусары,
Какими знали насъ они!

XXXII.

У Л А Н Ы.

Выступаютъ Лейбъ - Уланы :

Трубачи трубятъ ;
Вьются бѣлые султаны ;
Флюгерá шумятъ.

Впереди штандартъ сіяетъ
Утренней звѣздой ;
Вѣтеръ бережно играетъ
Тканью золотой.

Рвутся кони боевые ;
И, какъ снѣгъ бѣла́ ,
Пѣна, падая, стальные
Мочить удила́.

Передъ ними гладь-дорога

Стелется змѣй...

Проходило много, много

По дорогѣ той:

Проходили исполины

На далекій югъ,

Черезъ степи и равнины,

За Лиманъ и Бугъ...

Гдѣ, одѣянъ чудной славой —

Честъ родной земли —

Севастополь величавый

Высится въ дали.

Тамъ ихъ думы и желанья...

И, какъ въ оны дни,

Взоромъ, полнымъ упованья,

Въ даль глядятъ они, —

Въ даль, залитую пожаромъ

Нашихъ городовъ,

Низпровергнутыхъ ударомъ

Вражескихъ громовъ;

Въ даль, подернутую мглою

Бранныхъ непогодъ,

Зломъ нависшихъ надъ землёю,

Надъ пучиной водъ...

Выступают Лейбъ - Уланы :

Трубачи трубятъ ;

Вьются бѣлые султаны ;

Флюгерá шумятъ...

XXXIII.

ПѢСНЬ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ УЛАНСКАГО ПОЛКА.

Ура, гвардейскіе Уланы!
Кто не слыхалъ про молодцовъ?...
Не даромъ помнятъ басурманы
Про нашихъ дѣдовъ и отцовъ.

Не даромъ кровью и трудами
Мы заслужили у царя
Штандарты съ бѣлыми крестами
И трубы — всѣ изъ серебра.

Кто не слыхалъ, какъ Лейбъ-Уланы
Дрались въ двѣнадцатомъ году? —
То были вихри-ураганы:
Бѣда была имъ не въ бѣду.

Бывало, дня не проходило,
Чтобъ наши не были въ огнѣ,
Чтобъ утро ихъ не захватило
Готовыхъ къ бою, на конѣ.

И вихремъ мчались Лейбъ-Уланы
На басурманскіе ряды:
И — кровью смоченныя раны
Обозначали ихъ слѣды.

Хотя теперь межъ нашихъ хватовъ
Не видно прежнихъ стариковъ,
Но въ ихъ преемникахъ-собратахъ
Все тотъ же духъ, все та же кровь.

Такъ выступайте жъ, басурманы!
Мы вамъ покажемъ въ добрый часъ,
Что за народецъ Лейбъ-Уланы,
Что значитъ гвардія у насъ!

— 100 —

XXXIV.

АФОРИЗМЫ ШИЛЛЕРА.

1.

Эпическій Гекзаметръ.

Быстро несеть онъ тебя по волнамъ, неусыпно-бѣ-
гущимъ:

Видишь и сзади и спереди — видишь лишь небо
да море.

2.

Октава.

Стань, порожденіе нѣжно-томящейся страсти —
стыдливо

Трижды бѣжишь ты, и трижды, желанный, при-
ходишь обратно.

3.

Къ***

Будь мнѣ учителемъ, другъ мой! ученость твоя
животворна;
Слово твое, научая, живительно трогаетъ сердце.

4.

Триумфальная арка.

Не бойся небеснаго свода, сказалъ мнѣ худож-
никъ, —
Подобно ему, вознесу я тебя въ безконечность.

5.

Ворота.

Льстиво маня, воротá дикаря призываютъ къ за-
кону;
Смѣло на вольную жизнь выпускаютъ они гражда-
нина.

XXXV.

Ещё одинъ годъ пролетѣлъ надо мной, —
Ещё однимъ годомъ я ближе къ могилѣ,
И снова встрѣчаю его я съ тоской,
Затѣмъ, что замедлить полета не въ силѣ.

И что-то еще онъ мнѣ въ даръ принесётъ,
Быть можетъ, чреватый однѣми бѣдами?
Иль только прибавитъ еще одинъ годъ
Къ ушедшимъ во слѣдъ за другими годами.

XXXVI.

МАЛОРОССІЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Для чего мнѣ черны брови,
Молодые годы?

Для чего мнѣ карі очи,
Дѣвичья свобода?

Даромъ годы молодые
Блѣкнуть, увядаютъ;
Очи плачутъ, черны брови
Съ вѣтромъ выпадаютъ.

Сердце пташкою въ неволѣ
Вянетъ безъ участія...
Что мнѣ въ томъ, что я пригожа,
Если нѣту счастья!

Тяжело на бѣломъ свѣтѣ
Жить мнѣ сиротою:
Межъ своими, межъ родными
Стала я чужою.

Что имъ въ томъ, что плачутъ очи, —
Кто меня спросить?...
Да и некому повѣрить,
Что такъ сердце просить, —

Что такъ сердце, какъ голубка,
День и ночь воркуетъ...
И никто его не спросить,
Сердцемъ не почуетъ.

И никто меня не спросить, —
И къ чему тревожить!...
Развѣ скажутъ: пусть поплачетъ,
Если плакать можетъ.

Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Если плакать въ силѣ,
Громче, жалобнѣй, чтобъ слышалъ
Вѣтеръ на могилѣ;

Чтобы снесъ тѣ слёзы буйный
За лѣса, за море,
Чернобровому злодѣю
На лихое горе!

XXXVII.

С В А Д Ъ Б А.

Изъ Крабба.

Несчастливая чета стояла предъ пасторомъ,
Сведенная предъ нимъ судебнымъ приговоромъ
И прихотью любви.

Напрасно молодая,
Широкой свой нарядъ стыдливо оправляя,
Прикрыть старалась то, что было такъ замѣтно.
Взволнованный женихъ-мальчишка непривѣтно
То потуплялъ глаза, то поднималъ ихъ снова,
И было много въ нихъ преступнаго и злова.
Въ горячей головѣ его шумѣло пиво,
А бѣшенство въ груди. Нескладно, торопливо
Обѣты онъ свои произносилъ предъ Богомъ,
А на лицѣ его, озлобленномъ и строгомъ,
Казалось, тогда иная мысль блуждала
И въ будущемъ утѣхъ не много обѣщала.

Невѣста на вопросъ отвѣтила стыдливо, —
А кончился обрядъ — взглянула боязливо
На мужа своего, стараясь улыбнуться:
(Авось его любовь и счастье къ ней вернутся?)
Надѣясь добротой и рѣчью безъ обмана
Расшевелить золу любви, потухшей рано.
И вотъ они идутъ, выходятъ, но не рядомъ:
Тиранъ идетъ одинъ. Блуждая мутнымъ взглядомъ
И тощій кошелёкъ свой щупая рукою,
Поглядываетъ онъ въ ту сторону порою,
Гдѣ былъ трактиръ. Во слѣдъ шаги свои торопить
Несчастливая жена...

И былъ безумно пропитъ
Послѣдній мѣдный грошъ, въ глазахъ ея, въ трактирѣ.
И побрели они по улицѣ, къ квартирѣ
Несчастливаго отца невѣсты, чтобъ обоимъ
Проститься навсегда съ любовью и покоемъ.

XXXVIII.

ПРОЩАЙ.

Прощай! — и прощай на всегда!

Намъ нужно, намъ должно разстаться,

Чтобъ вновь никогда, никогда

Ужé не сойтись, можетъ статья.

Ты плачешь, мой ангелъ земной!

Но развѣ и я не рыдаю?

Ты вянешь, ты страждешь душой;

Но развѣ и я не страдаю?

Но что намъ въ слезáхъ тѣхъ, когда

Мы выплакать горя не въ силѣ?

Восторги прошли безъ слѣда, —

И въ сердцѣ темно, какъ въ могилѣ.

Къ чему же напрасно страдать,
Когда и страданье не можетъ
Намъ прежняго счастья отдать,
А только грызетъ и тревожитъ?

Прощай же, прощай еще разъ,
Моя молодая подруга!
Пусть люди забудутъ про насъ,
Но мы не забудемъ другъ друга!

XXXIX.

ФОРТУНА И МУДРОСТЬ.

Изъ Шиллера.

Разставшись съ избраннымъ судьбою,
Фортуна къ Мудрости пришла:
« За благо быть твоей сестрою
« Тебѣ бѣ всѣ блага я дала!

« Его ли я не осыпала
« Дарами — щедрою рукой?
« Но ихъ ему не доставало —
« И онъ назвалъ меня скупой.

« Сестра, такъ будемъ же друзьями!
« Забудь труды, оставь свой плугъ,
« И я обильными дарами
« Тебя осыплю, милый другъ! »

Но Мудрость бодро, какъ бывало,
Съ лица отерла потъ и прахъ,
И такъ Фортунѣ отвѣчала,
Съ улыбкой ясной на устахъ:

— Ты лучше, прежде, чѣмъ дружитья,
Спаси любимца своего:
Взгляни, онъ хочетъ застрѣлиться...
А мнѣ — не надо ничего. —

XL.

ДУБЪ И ТОПОЛЬ.

Въ далёкомъ уголкѣ Украины счастливой,
Среди семьи другихъ дерёвъ,
Росли маститый дубъ и тополь горделивый —
Краса украинскихъ садовъ.
Но тополь молодой надменно возвышался
Надъ всѣмъ, что взоръ его могъ видѣть безъ труда,
И величаво озирался
Въ водахъ зеркальнаго пруда;
Тогда какъ старый дубъ, испытанный судьбою,
Шумѣлъ вѣтвями надъ землёю,
И, словно въ думы погружёнъ,
Казалось, не смѣлъ глядѣть на небосклонъ,
Блеставшій надъ его маститой головою.

Но, чу! — вотъ громъ вдали загрохоталъ,
Блеснула молнія, какъ огненный кинжалъ,

И небо на́ двое расторгла, разорвала.

Завыла буря, застонала, —

И вотъ она, ужасная, какъ гнѣвъ,

На тополь налетаетъ,

Его колеблетъ и сгибаетъ,

И, издавая дикій ревъ,

Сухіе листья обрываетъ.

А старый дубъ по прежнему стоить —

Не гнѣтъ онъ выи предъ грозою;

По прежнему его спокоенъ видъ,

И буря надъ его маститой головою

Обычною проходитъ чередою.

Не такъ-ли и гордецъ,

Не искушенный жизненнымъ волненъемъ,

Глядитъ на всѣхъ съ насмѣшкой и презрѣнъемъ?

Но дунуль вѣтеръ — и глупецъ

Дрожить и думать, что ужъ всему конецъ.

Но тотъ, кто истинно великъ душою —

Великъ въ себѣ, самимъ собою —

Того невзгоды не сразятъ;

И жизненныя бури

Надъ нимъ промчатся, пролетятъ,

Какъ облака по блещущей лазури.

XLI.

ПРИТЧА КОНФУЦІЯ.

Изъ Шиллера.

Троякъ сѣдого времени полётъ :
Грядущее идётъ
Медлительной стопою,
Всегда безмолвное прошедшее стоитъ,
А настоящее летитъ
Крылатою стрѣлою.

И никакое нетерпѣнье
Его медлительныхъ шаговъ не окрылитъ ;
Ни вѣщій ужасъ, ни сомнѣнье
Не укротятъ его, когда оно летитъ,
И ни раскаянье, ни просьбы, ни рыданья
Заставить вновь идти его не въ состоянѣ.

Когда ты хочешь жизненнымъ путёмъ
Пройти легко, безъ горя и волненья,
Совѣтуйся съ медлительнымъ во всёмъ,
Но не бери его орудьемъ исполненья;
Быстро-летащаго въ друзья не избирай,
А отстающаго врагомъ не называй.

XLII.

ПОЧЕСТИ.

Изъ Шиллера.

Солнечный лучъ полосой отразился въ прозрач-
номъ потокѣ,
Ярко подъ нимъ, будто собственнымъ блескомъ,
волна загорѣлась;
Но — вотъ теченье уносить волну — а подъ по-
лосу свѣта,
Слѣдомъ за нею, на смѣну, ужъ быстро стремится
другая.
Такъ озаряютъ и почести блескомъ своимъ чело-
вѣка:
Блещетъ не самъ онъ — а имъ проходимое мѣсто.

Ужъ не вѣдай! —
Они тебѣ не вѣдаютъ
Съ тобою вѣдь не вѣдаютъ
Твоя старина не вѣдаетъ

Скажи — ужъ не вѣдай
Родной, не вѣдай и не вѣдай
Родной, не вѣдай и не вѣдай
Родной, не вѣдай и не вѣдай

XLIII.

НА СМЕРТЬ БРАТА.

Тебя ужъ нѣтъ, мой милый братъ!
Увяли раннія надежды!...
Уста смежённыя молчать,
И взглядъ не блещетъ изъ подъ вѣжды.

Напрасно всё! — ударилъ часъ —
И смерть тебя не пощадила;
И всё, что дорого для насъ,
Взяла холодная могила.

Напрасно силился обнять
Ты брата старшаго, какъ друга;
Напрасно звалъ отца и мать
Въ жару послѣдняго недуга:

Увы! далёко отъ тебя,
Они тебя всё поджидали;
Съ тобою счастье погубя,
Твоихъ стенаній не слыхали.

Скажи — ужé ли ты на свѣтъ
Родился, цвѣлъ и жилъ понынѣ,
Чтобъ умереть на утрѣ лѣтъ,
Среди чужихъ и на чужбинѣ?...

Ахъ! рано, срѣзанный косою,
Завялъ цвѣтокъ благоуханный!
Ахъ! рано, рано, ангелъ мой,
Ты скрылся въ край обѣтованный!

Всевышній иначе судилъ:
Онъ посылаетъ испытанья...
Грѣшно роптать на Силу-Силь —
Да и помогутъ ли роптанья?...

XLIV.

СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО.

Охъ! вы думы, мои думы!

Что мнѣ дѣлать съ вами?

Что стоите на бумагѣ

Хмурыми рядами?

Для чего васъ, какъ былинку,

Вѣтромъ не умчало?

Для чего васъ, какъ ребенка,

Горе не заспало?...

XLV.

З Н О Й.

Солнце палило, сжигало окрестныя нивы.
Въ небѣ ни облачка. Птицы забилися въ гнѣзда.
Тщетно прохожій, измученный дальней дорогой,
Зноемъ и жаждой, старался укрыться подъ тѣнью
Ивъ придорожныхъ, ронявшихъ въ сухую канаву
Рано-поблѣкшіе, пылью покрытые листья:
Тѣнь не давала прохлады. Песокъ раскалился.
Мелкою, ѣдкою пылью пропитанный воздухъ,
Тихо волнуясь, какъ озеро въ лѣтнее утро,
Жогъ воспалѣнное, вялое тѣло. И даже
Овцы, склонивъ утомленные головы долу,
И живописно стѣснившись у самой дороги,
Жадно искали прохлады подъ собственной тѣнью,
Прячась одна за другою, скрываясь отъ зноя.

Вотъ ужь недѣля, какъ дождь благотворной росой
Пыли съ завядшей травы не смываль, ни прохладный
Вѣтеръ не дулъ по полямъ, освѣжая природу:
Воздухъ, животныя, люди, вода и растенья —
Все умирало отъ зноя, предвѣстника бури,
Все умирало — и буря ужé собиралась....

XLVI.

ФАБУЛУ.

Изъ Катутла.

На дняхъ, мой другъ Фабуль, въ домѣ моемъ, со мною
Поужинать тебѣ на славу предстоитъ,
Когда Зевесъ твой вѣкъ до дня того продлитъ,
И если принесешь ты кушанья съ собою,
Да вспомнишь зацастись весельемъ и виномъ,
Гетѣрами и всѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ притомъ.
Да, славно у меня поужинать ты можешь,
Когда всё это самъ доставишь и предложишь,
За тѣмъ, что кошелѣкъ Катутла-бѣдняка
Давно ужé затканъ сѣтями паука.
За то ты встрѣтишь здѣсь пріязни изъявленье,
А сверхъ того нашъ пиръ и наше вдохновенье
Украсить то, что намъ съ тобой всего нужнѣй —

Рѣдчайшіе духи: ихъ дѣвушкѣ моей
Амуръ и граціи на память подарили...
И, обоняя ихъ, (духи ужь таковы) —
Ты будешь умолять, чтобъ боги превратили
Тебя въ огромный носъ отъ ногъ до головы.

XLVII.

ДРУГУ.

Мой другъ! въ послѣдній разъ прощаяся съ тобою,
Я плакалъ, какъ дитя, и, плача, думалъ я:
Кто знаетъ, суждено-ль разящею судьбою
Намъ встрѣтиться опять, какъ прежніе друзья?

Прошли годá — и вотъ мы свидѣлися снова...
Но отчего же намъ такъ грустно, тяжело? —
Увы! не возвратишь прекраснаго былого! —
Былое унеслось, былое утекло.

Да, мы сошлись опять; но какъ сошлись мы нынѣ:
Въ далёкой сторонѣ, далёко отъ друзей,
Какъ странникъ съ странникомъ на сѣверѣ, въ пустынѣ,
Или среди песковъ полуденныхъ степей.

Не много утекло воды въ пучины моря
Со дня послѣдняго свиданія съ тобой,
Но много съ той поры извѣдали мы горя,
Узнали свѣтлыхъ дней и прожили душой.

Мы въ мнѣняхъ разошлись; мы сердцемъ постарѣли;
Все то, что прежде насъ плѣняло и влекло —
Насъ больше не манитъ: у насъ иныя цѣли...
Быть можетъ, ты и правъ, да сердцу тяжело.

Нѣтъ съ нами и друзей, съ которыми, бывало,
Въ студенческомъ кружку, на дружескихъ пирахъ,
Насъ солнце иногда за чашей заставало,
Съ весельемъ на сердцѣ и съ пѣсней на устахъ:

Увы! однихъ взяла холодная могила,
Исполненныхъ надеждъ, и съ пламенемъ въ груди,
Которымъ будущность пророчила и льстила,
И много свѣтлыхъ дней сулила впереди;

Другихъ же, какъ ковыль разноситъ вѣтръ холодный
По выжженной степи, неумолимый рокъ
Занёсъ и разбросалъ по Руси неисходной,
На сѣверъ и на югъ, на западъ и востокъ.

Задумаюсь — и мнѣ становится грустиѣ,
Туманятся глаза несдержанной слезой,
И мысли скорбныя, одна другой чернѣе,
Смѣняются въ умѣ обычной чередой.

XLVIII.

РЕБЕНКУ.

Изъ Шиллера.

Милый ребенокъ, играй на колѣняхъ родной! на
священномъ

Островъ этомъ тебя не найдуть ни печаль, ни за-
боты;

Руки матери держать съ любовью тебя надъ стремни-
ной,

И, улыбаясь, ты, полный невинности, смотришь
въ могилу.

Смѣйся, святая невинность! Аркады тебя окру-
жаетъ...

Вольный порывъ увлекаетъ твою молодую натуру!

Гордая сила сама создаетъ себѣ въ жизни предѣ-
лы...

Для добровольной рѣшимости нѣтъ еще долга и
цѣли.

Смѣйся, играй! скоро трудъ придетъ тяжелый и
скучный,

И предъ велѣніемъ долга умрутъ въ тебѣ радость
и бодрость.

XLIX.

ИЗЪ КРАББА.

Наступаетъ вечеръ — и она выходитъ
Изъ дверей избушки, и неслышно бродитъ
По полямъ пустыннымъ, будто проскользая,
Своего ребенка бережно качая.
Сядетъ — и въ пространство смотритъ безъ сознанья —
Взоромъ, холоднѣе луннаго сіянья;
Запоётъ ли пѣсню — и журчитъ струёю
Голосъ невесёлый... и она, съ тоскою
Слушая свой голосъ, съ страхомъ замѣчаетъ,
Что ея разсудокъ меркнуть начинаетъ...
И бѣдняжка видитъ страшныя картины:
Вновь переживаетъ время злой кручины;
Но напрасно хочетъ съ мыслями собраться,
Начиная смутно за себя бояться...

L.

Опять ты здѣсь, моя любовь !
Опять хочу тебя увидѣть,
Чтобъ вновь досадовать, чтобъ вновь
Свою любовь возненавидѣть,
Чтобъ опорожнить до конца,
По каплѣ, чашу испытанья,
И подъ холодностью лица
Скрывать душевныя страданья,
Чтобъ сердцу бѣдному сказать,
Что ты по прежнему прекрасна,
Какъ жизнь, какъ Божья благодать,
Чтобъ упрекать себя опять
И въ томъ, что сердце слишкомъ страстно.
И въ томъ, что глупо и напрасно
Я силы духа расточилъ —
Елеемъ землю напоилъ.

LI.

ПОДРАЖАНІЕ.

Онъ любить ! — да!... я подсмотрѣлъ
Въ его глазахъ тоску страданья,
Подслушать, выпытать умѣлъ
Мнѣ ненавистныя признанья!
Онъ любить!... да! — и тяготить,
Мрачить чело мнѣ это слово;
И кровь бунтуетъ и кипить,
И сердце вырваться готово...

Да, я красавицу мою,
Съ ревнивой страстію поэта,
Отъ старцевъ немощныхъ таю,
Отъ солнца, воздуха и свѣта.
Я ужъ дрожу, я ужъ блѣднѣй,
Когда прекрасной называютъ
Ее случайно, и о ней
Уста чужія вспоминаютъ.

Межъ нами пропасть навсегда —
Готовъ!.. пусть жребій мой наступить...
Но пусть никто и никогда
Чрезъ бездну ту не переступить :
Еще влачить остатокъ дней
Моихъ я могъ бы розно съ нею,
Но съ тѣмъ, что если *не моей* —
Она бы не была — *ни чьею*.

LI.

ЗВѢЗДОЧКА.

Много звѣздочекъ сіяетъ
Въ небѣ темно-голубомъ,
И искрится и играетъ
Переливнымъ серебромъ;
Но одна ихъ всѣхъ свѣтлѣе
Блещетъ сквозь ночную тьму,
Но одна ихъ всѣхъ милѣе,
Ближе сердцу моему:
Этимъ блескомъ въ мракѣ ночи
Мнѣ мерцали чудо-очи,
И мерцали мнѣ всегда,
Какъ знакомая звѣзда.

LIII.

ВЕСНѢ.

Изъ Шиллера.

Привѣтъ, отроковица,
Отрада бытія,
Съ цвѣточною кошицей!
Къ тебѣ взываю я!

Ты снова между нами,
Любима, хороша,
И вотъ опять на встрѣчу
Летитъ тебѣ душа.

Склони къ моей подругѣ
Мечты свои и взоръ:
Она меня любила,
И любить до сихъ поръ.

Ты разъ ужъ ей давала
Фіялокъ полевыхъ,
Теперь прошу я снова —
И ты даешь мнѣ ихъ.

Привѣтъ, отроковица,
Отрада бытія,
Съ цвѣтчною кошицей !
Къ тебѣ взываю я !

LIV.

ВЕЙНСБЕРГСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Изъ Бюргера.

Гдѣ Вейнсбергъ? — кто укажетъ мнѣ

На этотъ городочекъ,

Гдѣ расцвѣтаетъ въ тишинѣ

Такъ много жёнъ и дочекъ?

Когда жениться захочу —

Конечно въ Вейнсбергъ покачу!

Однажды царственный Конрадъ

На городъ разсердился, —

И вмигъ, съ ватагою солдатъ,

У стѣнъ его явился;

Разставилъ ихъ по высотамъ,

Стрѣлялъ и бился здѣсь и тамъ.

Когда-жь граждане — старь и малъ —
Отбили нападенъе,
Конрадъ съ герольдомъ имъ послалъ
Такое объявление:
« Когда возьму вашъ городъ злой —
« Мужчинамъ головы долой. »

Едва въ обложенныхъ стѣнахъ
Узнали про воззванъе —
На шумныхъ стогнахъ и въ домахъ
Послышалось рыданъе;
На рынкѣ хлѣбъ подорожалъ —
Совѣтъ того дороже сталъ.

« О, я несчастный Коридонъ ! »
Пасторы восклицали:
« Увы ! киріэ-элейсѡнъ !
« Мы гибнемъ, мы пропали !
« О, Коридонъ несчастный я ! —
« Ужь шея чешется моя !... »

Когда напрасно всё подь часъ, —
Про всё — пиши пропало, —
Лукавство женское не разъ
Изъ бѣдъ насъ выручало :
Извѣстно всѣмъ — прекрасный полъ
Себя въ лукавствѣ превзошѣлъ.

Цвѣтокъ Вейнсбѣрга — Лебесанъ
Народу предлагаетъ
Уловку, маленькій обманъ,
Который одобряютъ,
И за который, ей-же-ей!
И вы похлопаете ей.

Подъ вѣчеръ женщины, толпой,
Всѣ въ праздничномъ нарядѣ,
Приходятъ въ лагерь боевой
И молятъ о пощадѣ;
Но имъ — на нѣжный ихъ привѣтъ
Былъ данъ не ласковый отвѣтъ :

« Что унесёте на плечахъ —
« Съ тѣмъ можете убраться, —
« А что останется въ стѣнахъ —
« Ужъ съ тѣмъ вамъ не видаться. »
Съ кашитуляціей такой
Онѣ вернулись домой.

Но только день успѣлъ блеснуть —
Ворота распахнулись,
И вышли женщины, и въ путь,
Въ дорогу потянулись,
Кряхтя подъ тяжестью мужей,
Въ мѣшкахъ зашитыхъ до ушей.

Толпа придворная льстецовъ

Уловку отвергаетъ.

« Не поясняютъ царскихъ словъ ! »

Конрадъ имъ возражаетъ :

« Вотъ провели-то ! вотъ-те на ! »

« Зачѣмъ не здѣсь моя жена ? »

Простивъ граждѣнъ, ихъ женамъ балъ

Онъ задалъ съ угощеньемъ,

Гдѣ каждый, съ радости, плясалъ

Съ такимъ же наслажденьемъ

Съ швейей и прачкой молодой, —

Какъ съ бургомѣстровой женой.

Гдѣ городъ Вейнсбергъ ? — гдѣ же онъ ?

Гдѣ этотъ городочекъ ,

Въ которомъ столько вѣрныхъ жёнъ ,

И миленькихъ ихъ дочекъ ?

Когда жениться захочу —

Ей Богу, въ Вейнсбергъ покачу !

LV.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Я въ лѣсъ пошолъ за черноокой
Моей красавицею вслѣдъ,
Припаль къ груди ея высокой, —
« Я крикну! » — мнѣ она въ отвѣтъ.

А я: « Пускай мнѣ помѣшаетъ —
« Убью! » и вновь припаль на грудь;
« Молчи! » она мнѣ отвѣчаетъ:
« Чтобъ не услышалъ кто нибудь! »

LVI.

Ты на балàхъ окружена
Толпою знатныхъ селадоновъ,
И, мелкой гордости полна,
Ждешь комплиментовъ и поклоновъ.

Ты отвѣчаешь за урядъ
На ихъ заученныя фразы,
Тебя тревожатъ и смѣшать
Ихъ не мудрёные рассказы.

И не пугаетъ сѣдина
Твои неопытныя лѣта :
Тебя плѣняютъ имена —
Краса и честь большого свѣта.

Но берегись, чтобъ, можетъ быть,
За ихъ опасное вниманье,
Когда нибудь не заплатить
Годами поздняго страданья.

Не вѣрь ихъ вкрадчивымъ рѣчамъ :
Онѣ обманчивы, какъ море, —
Онѣ тебѣ — твоимъ мечтамъ —
Сулятъ раскаянье и горе....

LVII.

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

Изъ Гёте.

Кто мой желанный — умру — не скажу я! —
Плодъ нашей страсти подъ сердцемъ ношу я...
Что вы тамъ шепчете: «нѣтъ въ ней стыда!»
Честной была я и буду всегда.

Съ кѣмъ я жила — никому не скажу я!
Всё мое счастье, всѣ радости въ нёмъ:
Носить на шеѣ онъ цѣпь золотую,
Носить онъ шляпу съ перомъ.

Нуженъ позоръ вамъ? — одну пусть пятнаетъ —
Пусть онъ одну меня кроетъ стыдомъ:
Я его знаю и онъ меня знаетъ,
Знаетъ и Богъ обо всёмъ!

Патеръ! судья! — осуждайте вы двое,
Только оставьте меня вы въ покоѣ!
Мой онъ ребенокъ — и будетъ *моимъ*:
Полно же вамъ съ увѣщаньемъ своимъ!

LVIII.

МОГУЩЕСТВО ПѢСНОПѢНІЯ.

Изъ Шиллера.

Потокъ, взволнованный дождями,
Стремится съ горной крутизны;
Дубы исторгнуты съ корнями,
И камни имъ увлечены.
Остановившись въ изумленьѣ,
Прохожій внемлетъ шуму водъ :
Онъ слышитъ горныхъ струй паденье;
Но гдѣ-жъ родникъ ихъ, гдѣ исходъ?
Такъ льются звуки пѣснопѣнья;
Но гдѣ-же мѣсто ихъ рожденья?

Кто изъ подвластныхъ грознымъ дѣвамъ,
Прядающимъ жизненную нить,
Кто могъ пѣвца живымъ напѣвамъ
Своей души не покорить?

Волшебной силой вдохновенья,
Какъ жезлъ посланника боговъ,
Пѣвецъ низводитъ въ царство тлѣнья,
Уноситъ выше облаковъ,
И убаюкиваетъ чувства
На зыбкой лѣстницѣ искусства.

Когда въ кружокъ толпы веселой,
Отмѣченъ тайной и бѣдой,
Нежданно вступить рокъ тяжелой
Своей гигантскою стопой,
Тогда сыны гордыни ложной
Предъ міра лучшаго посломъ
Падутъ; замолкнетъ шумъ ничтожный
Толпы ликующей кругомъ,
И передъ истиной, въ мгновенье,
Исчезнутъ ложь и заблужденье.

Едва надъ смертнымъ звуки рая
Прольются пѣсней съ высоты,
Ужъ онъ прозрѣлъ — и, прозрѣвая,
Свергаетъ ношу суеты;
Онъ отрѣшается земного,
Онъ въ міръ заоблачный паритъ
И, полнъ могущества иного,
Впередъ безтрепетно глядитъ...
И быстро сглаживаютъ звуки
Морщины — жизненные муки.

Какъ сынъ, разлукою томимый,
Слѣшить покинуть край чужой,
Чтобъ къ сердцу матери любимой
Припасть горячей головой :
Не такъ ли пѣсня изъ чужбины
Приводить странника домой,
Рисуя свѣтлыя картины
Его невинности святой,
Чтобъ сердце, какъ въ былые годы,
Согрѣть въ объятіяхъ природы.

ПРОСТОРЪ.

(Пов. Я. П. Полонскому.)

Кони мчатъ, гремитъ телега,
Колокольчикъ дребежжитъ:
Отъ ночлега до ночлега
Путь на встрѣчу мнѣ бѣжитъ.

Но ни лѣса, ни стремнины,
Ни пригорка въ сторонѣ:
Безпредѣльные равнины
Разстилаются однѣ.

Всюду поле, всюду поле,
Поле ровное лежитъ;
И лишь вѣтеръ въ буйной волѣ
Пышной жатвою шумитъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ скучнѣе,
Тѣмъ полей печальнѣй видъ;
И чѣмъ дальше, тѣмъ грустнѣе
Колокольчикъ дребежитъ.

Духъ томится, сердце дремлетъ,
Изнуренное борьбой...
И просторъ меня объемлетъ
Безглагольной пустотой.

LX.

ПРОЩАНІЕ ПОЭТА.

Изъ Шиллера.

Умолкла мирная богиня пѣснопѣнья,
Умолкла — и тебѣ, краснѣя, предстоитъ,
Чтобъ выслушать твой судъ (въ лицѣ ея смущенье);
Но праведный твой судъ еѣ не устрашить :
Ей близко, дорого святое одобренье
Того, кто сердцемъ чистъ, кто правдой дорожить.
Лишь тотъ, въ комъ для искусствъ трепещетъ ретивое,
Достоинъ увѣнчать чело ея святое !

Напѣвы сладкіе пускай не умираютъ,
Пока еще душа ихъ звуки познаётъ,
Пока они еѣ мечтами окружаютъ
И сторожатъ ея возвышенный полётъ.

Въ потомство перейти они не помышляютъ:
Ихъ звуки пронесли, для нихъ былъ свой черёдъ.
Ихъ родилá на свѣтъ минута вдохновенья —
И улетятъ они, какъ легкія видѣнья.

Проснулася весна : подъ пламеннымъ дыханьемъ
Возникла снова жизнь на дѣвственныхъ лугахъ,
И воздухъ напоёнъ цвѣтовъ благоуханьемъ
И звучный хоръ пѣвцовъ раздался въ небесахъ :
Очнулись старъ и малъ, и, съ радостнымъ сознаньемъ
Вернувшейся весны, являются въ садахъ :
Прошла весна — цвѣты поблекли и завяли,
И ихъ забыли тѣ, кого они плѣняли.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Въ дорогу, въ дорогу!	7
Орлеанской дѣвѣ	11
Прохожій	13
Узница	16
Незнакомка	19
Пѣвцы минувшаго времени	21
× Передъ каминомъ	23
Въ Карпатахъ	25
На смерть воробья Лезбіи	27
× Раздѣлъ земли	29
Сегодня мнѣ исполнилось 36 лѣтъ	31
Уже одиннадцать часовъ	34
Геро и Леандръ	36
Пляска	47
Бокаль	50
Застольная пѣсня	52

	СТР.
Юноша у ручья.	54
Миньона.	56
Фантазія — Лаурѣ.	58
Заутра бой	62
Изъ Крабба	65
Кароагенъ	66
Купецъ	67
<i>Уже давно я не молился.</i>	68
Путеводители жизни	70
<i>Меня преслѣдуетъ какой-то демонъ злой.</i>	72
Тайная грусть	73
Порука	75
Альпухары	81
Отрывокъ изъ поэмы.	85
Изюмцамъ	88
Уланы	94
Пѣснь Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка	97
Афоризмы Шиллера	99
<i>Еще одинъ годъ пролетѣлъ надо мной</i>	101
✕ Малороссійская мелодія.	102
Свадьба	104
Прощай.	106
Фортуна и Мудрость	108
✕ Дубъ и Тополь	110
Притча Конфуція	112
Почести.	114
✕ На смерть брата	115
✕ Съ Малороссійскаго	117
Зной	118
Фабулу	120
Другу	122
Ребенку	124
Изъ Крабба	126

III

	СТР.
<i>Опять ты здѣсь моя любовь</i>	127
Подражаніе	128
Звѣздочка	130
Веснѣ.	131
Вейнсбергскія женщины	133
Изъ Гёте	137
<i>Ты на балахъ окружена</i>	138
Передъ судомъ	140
Могущество пѣснопѣнія.	142
Просторъ	145
Прощаніе поэта.	147

127	ГЛАВА ПЕРВАЯ
127	О ПОНЯТИИ ИСТИНЫ
128	О ПОНЯТИИ ЛОЖИ
129	О ПОНЯТИИ СВОБОДЫ
131	О ПОНЯТИИ СПРАВЕДИЛИВОСТИ
132	О ПОНЯТИИ ДОБРА И ЗЛА
133	О ПОНЯТИИ ЧЕСТИ И ДИГНИТЕЛИ
134	О ПОНЯТИИ СЧАСТЬЯ И НЕСЧАСТЬЯ
135	О ПОНЯТИИ ВОЛН
136	О ПОНЯТИИ ВОДЫ
137	О ПОНЯТИИ ВОЗДУХА
138	О ПОНЯТИИ ОГНЯ
139	О ПОНЯТИИ ЗЕМЛИ
140	О ПОНЯТИИ РАСТЕНИЙ
141	О ПОНЯТИИ ЖИВОТНЫХ
142	О ПОНЯТИИ ЧЕЛОВЕКА
143	О ПОНЯТИИ ГОСУДАРСТВА
144	О ПОНЯТИИ ЗАКОНА
145	О ПОНЯТИИ ПРАВОСУДИЯ
146	О ПОНЯТИИ ВОЙНЫ И МИРА
147	О ПОНЯТИИ НАУКИ
148	О ПОНЯТИИ ИСКУССТВА
149	О ПОНЯТИИ РЕЛИГИИ
150	О ПОНЯТИИ ФИЛОСОФИИ
151	О ПОНЯТИИ ЭТИКИ
152	О ПОНЯТИИ ПОЛИТИКИ
153	О ПОНЯТИИ ЭКОНОМИКИ
154	О ПОНЯТИИ ПЕДАГОГИКИ
155	О ПОНЯТИИ МЕДИЦИНЫ
156	О ПОНЯТИИ ПРАВА
157	О ПОНЯТИИ ИСТОРИИ
158	О ПОНЯТИИ ГЕОГРАФИИ
159	О ПОНЯТИИ АСТРОНОМИИ
160	О ПОНЯТИИ ФИЗИКИ
161	О ПОНЯТИИ ХИМИИ
162	О ПОНЯТИИ МАТЕМАТИКИ
163	О ПОНЯТИИ МУЗЫКИ
164	О ПОНЯТИИ ТЕАТРА
165	О ПОНЯТИИ КИНО
166	О ПОНЯТИИ СПОРТА
167	О ПОНЯТИИ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА
168	О ПОНЯТИИ КОСМОНАВТИКИ
169	О ПОНЯТИИ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ
170	О ПОНЯТИИ КОСМОСКОПИИ
171	О ПОНЯТИИ КОСМОПЕДАГОГИКИ
172	О ПОНЯТИИ КОСМОПРАВА
173	О ПОНЯТИИ КОСМОЭКОНОМИКИ
174	О ПОНЯТИИ КОСМОЭТИКИ
175	О ПОНЯТИИ КОСМОПОЛИТИКИ
176	О ПОНЯТИИ КОСМОФИЛОСОФИИ
177	О ПОНЯТИИ КОСМОРЕЛИГИИ
178	О ПОНЯТИИ КОСМОИСКУССТВА
179	О ПОНЯТИИ КОСМОМУЗЫКИ
180	О ПОНЯТИИ КОСМОТЕАТРА
181	О ПОНЯТИИ КОСМОКИНО
182	О ПОНЯТИИ КОСМОСПОРТА
183	О ПОНЯТИИ КОСМОВОЗДУШНОГО ФЛОТА
184	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОНАВТИКИ
185	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОЭНЕРГИИ
186	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОСКОПИИ
187	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОПЕДАГОГИКИ
188	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОПРАВА
189	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОЭКОНОМИКИ
190	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОЭТИКИ
191	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОПОЛИТИКИ
192	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОФИЛОСОФИИ
193	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОРЕЛИГИИ
194	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОИСКУССТВА
195	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОМУЗЫКИ
196	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОТЕАТРА
197	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОКИНО
198	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОСПОРТА
199	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОВОЗДУШНОГО ФЛОТА
200	О ПОНЯТИИ КОСМОКОСМОКОСМОНАВТИКИ

Gerbel', Nikolaj Vasil'evič,

Otgosloski Stichotvorenija Nikolaja Gerbelja. /Wiederklänge. Eigene u. ü
bers. Gedichte N. Gerbel's

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1858

40.738-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10701868-3